

Новелла
МАТВЕЕВА

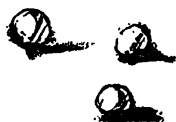
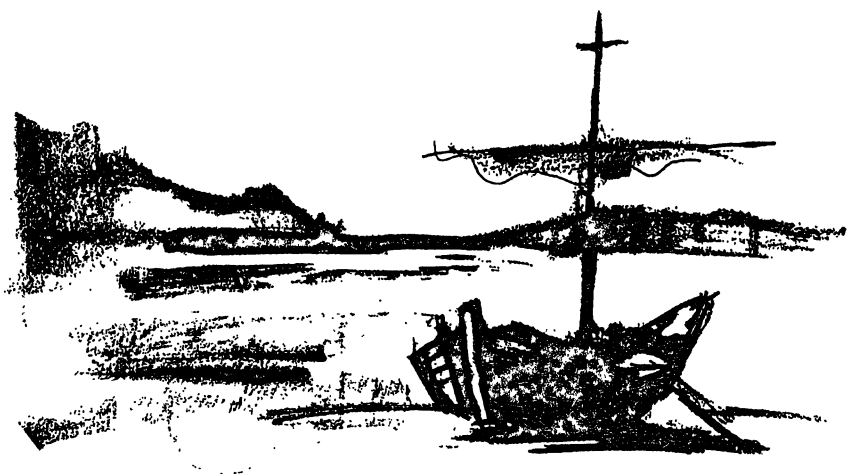

ЛАСТУШЕСКИЙ ДНЕВНИК

Новелла МАТВЕЕВА

ЛАСТУШЕСКИЙ ДНЕВНИК

В

- © Книжный магазин "Москва", 1998
- © А.Городницкий, предисловие, 1998
- © Н.Матвеева, 1998
- © А.Петраков, составление, 1998
- © А.Подивилов, иллюстрации, 1998
- © С.Зайцев, оформление, 1998

ПЕСНИ О ДАЛЁКОЙ ДАЛИ

Помнится, в 1974 году, впервые попав в Австралию, в Мельбурн, на борту научно-исследовательского судна "Дмитрий Менделеев", и сойдя на берег, я обратил внимание на небольшой остров, темневший на горизонте напротив порта, и спросил у своего спутника как он называется. "Остров Кенгуру" - ответил он. Я вздрогнул от неожиданности, поскольку всерьёз полагал, что имя это, как и "Страна Дельфиния" - сказочная выдумка из любимой мною песни Новеллы Матвеевой. Так удивился бы человек, которому вдруг показали реальный Лисс или Зурбаган.

Отглядываясь назад, не могу не признаться, что именно подобные сине-зелёным акварелям, пахнущие морской солью и солнцем, нагретым палубные доски, песни Новеллы Матвеевой заставили меня в своё время навсегда связать свою судьбу с океаном. Мне нестерпимо захотелось увидеть и ощутить наяву так ярко нарисованный ею шумный и многокрасочный мир, где:

*Двумя клинками шиблись два течения,
Пустился в пляску ящик от сигар,
И как король в пурпурном облаченье
При свете топки красен коцегар.*

те неизвестные страны, где:

*...по побережью дружную парю
Ходят рядком какаду с кукобаррою,
А за утёсами там носом к носу мы
Можем столкнуться порой с утконосами.*

Я неслучайно вспомнил о Лиссе и Зурбагене, потому что, когда я перечитываю стихи и слушаю песни Новеллы Матвеевой, то мне на память прежде всего приходит Александр Грин, всемогущий и беспомощный сказочник, так же, как и Новелла Матвеева, не избалованный реальной жизнью.

Помню, в начале шестидесятых, когда я впервые услышал её солнечные сказочные песни, я почему-то решил, что такие песни может писать только очень счастливый человек, некое зеленоглазое подобие Фрези Грант. Попав в первый раз в дом к Новелле Матвеевой и увидев чудовищный быт её огромной неприютной коммуналки на Беговой улице с окраинами, выходящими на железнодорожное полотно и Ваганьковское кладбище, я был потрясён. Каким могучим воображением художника, каким человеческим мужеством и оптимизмом должен обладать автор, придумавший свой сказочный мир в такой обстановке!

В одной из своих знаменитых песен, где она полемизирует с Киплингом, Новелла Матвеева написала:

*Властью песен стать людьми
Могут даже змеи,
Властью песен из людей
Можно делать змей.*

Бог дал ей гораздо большее - властью её песен люди остаются людьми, постоянно помня о таинственном и прекрасном мире, окру-

жающем нас. Для того, чтобы увидеть его и ощутить, совсем необязательно путешествовать в далёкие страны, - достаточно просто завернуть за угол соседнего дома:

*Из-за угла как вор
Выглянул бледный двор, -
Там на ветру волшебном
Танцевал бумажный сор.
...Эти окраины
Были оправлены
Вышками вырезными
Кружевными кранами.*

Самобытность и оригинальность талантов ведущих мастеров авторской песни шестидесятых годов состоит прежде всего в том, что ни один из них не похож на другого, каждый - неповторим. Если Галич, Высоцкий и Ким ближе к театру, а Окуджава к литературе, то Новелла Матвеева, на мой взгляд, ближе всех к живописи. Судите сами:

*В закатных тучах красные прорывы.
Большая чайка, плаваний сестра,
Из красных волн выхватывает рыбу,
Как головню из красного костра.*

Или: "Как накрахмаленные стёганные ватники стоят пингвины, руки развели". Или: "Над плоскодонною пропастью эхо как пушечный дым". Или: "Видишь - как будто ломтик от каравая лодочка отломилась от корабля". Таких примеров множество.

Сама Новелла Матвеева в одном из интервью заявила, что относит себя прежде всего к композиторам. Возможно, она права, поскольку её мелодии поражают своей музыкальной оригинальностью и отсутствием банальных ходов и подделок, а также неповторимой органикой гармонического слияния стихов и мелодий: "Ах, эти трубы сделали трубочкой губы". Говоря о мелодиях Новеллы Матвеевой, нельзя не обратить внимания на то, что в мелодическом строе, как и в стихах, ей чужда внешняя аффектация. Негромкие и задушевные мотивы, так же, как и прозрачные многоплановые метафоры её стихов, рассчитаны на умного и тонко чувствующего слушателя.

В отличие от любимого мною в юности и уже упомянутого выше Киплинга, лирический мир Новеллы Матвеевой, неизменно закутаный в блоковский "цветной туман", - не жёсткий и враждебный, который надо завоевать с карабином в руке, а тёплый и добрый, которому надо открыться и довериться.

Казалось бы, после великих образцов женской лирики бессмертного "серебряного века" трудно поразить слушателей чем-нибудь новым, особенно в нашу суетную, прагматичную и политизированную эпоху с её разнuzданным рыночным сексом, эпоху к высокой лирике совсем не располагающую. Однако, думается мне, песня "Девушка из харчевни", наряду с упомянутыми вершинами русской женской поэзии, останется в памяти следующих поколений в числе лучших лирических стихов нашего столетия:

*И если ты уходил к другой,
Или просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ
висел на гвозде.*

Сейчас, на рубеже столетий, когда потеряли недавнюю грозную актуальность ещё вчера запретные песенные строки авторов "магнитофониздата", по которым возможно будут восстанавливать в будущем историю минувших десятилетий, когда смолкли яростные хриплые голоса под набатный бой гитары, в человеческой памяти оживают негромкие внешне мелодии и слова, обращённые к вечным ценностям - любви, красоте, радости открытий. Эти ценности непреходящи и не зависят от курса валют. Послушайте снова песни Новеллы Матвеевой, прочтите её насыщенные утренним светом стихи, в которых "юбочки клёш надевают медузы и световые рейтузы и уплывают на праздник свеченья, перед собою держа зеркала".

Войдите опять в это сказочное зазеркалье, где дружно живут фокусники и пожарные, капитаны и погонщики мулов, юнги и цыганки, "люди, кони и медведи". Научитесь удивляться сходству кобуры револьвера и апельсиновой кожуры, тому что "водопады стоят веретёнами". И вас снова охватит неповторимое детское счастье первооткрывателей, подаренное этим замечательным поэтом.

Что касается меня, то я испытываю острую ностальгию, когда зрительно представляю её строчки:

*Перевёрнутый бочонок.
На бочонке первый снег.
Куда-то влево уплывают острова"*

И моё поношенное сердце снова сжимает наивная надежда всё-таки ступить снова как прежде на судовую палубу, подрагивающую от ударов волн и работы машин, мальчишеская мечта о таинственных островах, ставших теперь ещё более недоступными и далёкими, чем в юности. А может быть, наоборот, доступными и близкими? Стоит только поставить песню Новеллы Матвеевой и протянуть руку...

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

ПЛАСТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Москва
1998

Поэту Ивану Киуру посвящается

Глава первая

ПЛАСТУШЕСКИЙ ДНЕВНИК

ПЛАСТУШЕСКИЙ ДНЕВНИК

*Прощайте, прощайте, зелёные долины!
Уходит пастух: ведь лето прошло...*

Шиллер

Октябрь 1954 года

В ночь на 21 октября, среда

Вот за долгое-долгое время первый вечер, первая ночь, когда я могу спокойно спать или спокойно не спать по своему усмотрению. Когда не угнетает перспектива подняться рано и гонять коров под ветром, дождём и градом.

Вспоминаю своё сентябрьское стихотворение:

*Когда же на бледность опавшей листвы,
На бусины поздних ягод,
На жёсткую шкуру последней травы
Снежинки первые лягут?*

*И в белое утро, проснувшись вдруг,
Я вспомню, что в стойле стадо,
Что спас меня снег — мой холодный друг,
Что больше пасти не надо!*

Сегодня утром, наконец, явился долгожданный "холодный друг".

Жить в нашем доме, в нашей холодной комнате — и радоваться снегу! Какие только метаморфозы ни совершает жизнь! Снег выпал утром, но, как следовало и ожидать, укрепился не надолго. Теперь он тает, почти растаял. На улице туман, тишина и какой-то полудождь. Тепло, с крыши каплет.

Весь наш дом только что заснул, только за одной из дверей кто-то ещё возится, не спит.

Неизвестно, сколько пройдёт времени, прежде чем снег укрепится окончательно, но одно мне ясно: пастьба закончена.

Обычно при последних лучах лета и первых дуновениях зимы принято говорить: "Последние улыбки лета... Первые угрозы зимы...". Я же, вынужденная подчиняться самым противоречивым обстоятельствам, могу сказать наоборот:

— Прошла последняя угроза лета: вот они первые улыбки зимы!..

Утро 21-го октября, четверг

Вряд ли это верно: среда и четверг не могли состояться в один день. Нет, этого, по-моему, никак быть не могло. Вероятно, речь идёт уже о 22-м октября.

(Н.М.: подача голоса из "будущего".)

Серое бушующее утро. Снега нет, и — кто знает? — не возьми я вчера расчёт, может быть, опять пришлось бы пасти, а я — в больном виде.

А между тем — не смотрите, что снега нет — на улице уже настоящая зима! Свирепствует страшный холодный ветер, о, мои "добрые друзья"!

Но меня теперь для них нет, и я совершенно убеждена, что среди этих замечательных (в смысле языка) работников не найдётся ни одного дурака, что согласился бы сейчас пасти.

Мою дурацкую безропотность оценили только вчера, когда я пришла к начальникам с просьбой освободить меня от работы. Они сразу же заговорили другими голосами, и даже у директорши — этого неприступного утёса в юбке — нашлись для меня живые человеческие речи.

"Поэзия и экономика" — воскликнул Джек Лондон. Как сильна экономика там, где поэзия бессильна!

Здесь налицо, конечно, случай юного недомыслия: видимо, под "экономикой" я разумела тогда практицизм. (Цитировала же или неточно, или некстати.) Но если спросят — при чём вообще тут ПОЭЗИЯ? — отвечу: в те годы я давно уже могла считать себя

увязнувшей в этом промысле. Чему доказательством — хотя бы стишок из административно-приютской жизни, сочинённый в период моего пастушества:

НАШ БУХ

*Наш бух непогрешим и в гневе невменяем.
У нас пред бухом аж захватывает дух!
И, если сильно мы чего-нибудь желаем,
Не говорим "дай Бог!", а говорим "дай бух!"*

Но ничего! Пускай поизрасходуют сено, а я очень нездорова. Нужно немножко отдохнуть, хотя жить в нашем доме и в нашей комнате уже само по себе — адский труд.

Мы, наша семья, жили вчетвером в шестиметровке и без отопления.

ДВА ЗАВХОЗА

Сейчас как раз был завхоз — звал меня к директору для переговоров. (Я не ошиблась: снег растает — опять позовут пасти, — хорошо, что взяла расчёт!)

Я теперь не связана с их организацией, и всё равно завхоз пригласил меня тоном приказа — а если бы ещё была связана?! Смогла ли бы я отказаться, даже имея право на отдых? Ведь я работала БЕЗ ВЫХОДНЫХ!

Завхоз у нас теперь новый. Молочника сняли: была репутация из Москвы и нашла в её, Молочника, хозяйстве неизлечимые прорехи. Того и следовало ожидать от нашего свиного Молочника.

Несомненно, она была энергична и сильна в своём вечном гневе. Но на что нужен гнев в мирном хозяйстве? Она — Молочник — была сильна и энергична, но её сила была разрушительной, энергия — прямо атомной!

Кстати, наука и техника добились того, чтобы использовать атомную энергию в мирных целях. Вот использовать бы в мирных целях атомную энергию Молочника, нашей завхо-

зихи! Как зацвело бы и засверкало детдомовское хозяйство! Как бы всё было прекрасно, если бы прежний завхоз наш (Молочник) ставил перед собой задачу: сделать, создать, приобрести, починить, возместить, наверстать, оплатить, исправить, поправить... Но наша Молочник задавалась круто-противоположной целью, а именно: разрушить, изломать, разорить, выбросить, украсть, проклясть, оклеветать, с работы снять, выкорчевать, вытравить, выселить, сжечь, испепелить!

"Боевой", "боевая" — были излюбленными словами Молочника и высшим комплиментом в её устах.

Несомненно, на войне, в бою она получила бы немало наград за доблесть, храбрость, хитрость, ловкость, жестокость, непреклонность...

Насчёт "доблести" и "храбрости", впрочем, сомнительно — думаю я ТЕПЕРЬ. Ловкость и непреклонность же могут быть и плохими, и хорошими. Что же до хитрости и жестокости, то они как раз редко согласуются с храбростью, а к доблести (или доблестям) вообще не относятся.

Но качества, полезные Отечеству и прямо незаменимые на войне, не только не нужны, но и вредны в мирном хозяйстве.

Для процветания хозяйства нужен завхоз, а не солдат. А даже если бы он был солдатом, в мирной обстановке строительства ему придётся забыть свои боевые навыки, особенно — если он в Детском доме! Ведь перед ним не укрепления, которые нужно взять штурмом, а мирный мирок, устои которого надо укрепить. Перед ним не враги, которых истребить надо, а пострадавшие от врагов сироты, которым надо создать спокойные условия жизни.

25 октября, понедельник, утром

Словом, не удивительно, что боевая Молочник, несмотря на все её старания, всё же не получила награды за боевые заслуги. Наоборот, ей пришлось расплачиваться тяжёлой ценой, когда ревизия обнаружила в доверенном ей детдо-

мовском хозяйстве страшные дыры, словно проделанные минами, бомбами: глубокие воронки, — много разорванного, взорванного, изрытого "боевыми" снарядами... Но...

Здесь идёт ЧЁРНОЕ СЛОВО, из тех, что я давно уже не произношу! Анастасия Цветаева обозначала его буквой "ч".

— с ней, с Молочником и с другой подобной посудой. Теперь здесь новый завхоз — полная противоположность прежнему.

Если М.В.Рекрутова (Молочник!) была мужчиной-солдатом в женском платье, то Фёдор Алексеевич является женщиной в военной форме.

Ещё Ильф и Петров удачно подметили, что у всех завхозов почему-то привычка "облекать свои гражданские чресла в военную форму"... (Могу с уверенностью сказать, что новый завхоз не читал не только Ильфа и Петрова, но и вообще ничего, кроме документов.)

Это пожилой человек с испуганным взглядом, с большим носом и в галифе. Фамилия у него какая-то очень умная и замысловатая. Говорит быстро, сбиваясь, и с резким акцентом.

Помнится, он был узбек, во всяком случае, наполовину.

Бегает (не ходит, а именно бегает) "быстрее, чем заяц от орла", и именно с таким видом, словно за ним погоня.

Запись без чисел

Помнится, это потому, что был уже ноябрь, а события приходилось дописывать всё ещё октябрьские.

Вообще весь вид у него был такой, будто он вот-вот замашет руками, замигает глазами и закричит: "Я не брал! Не брал!" (ничего не крал, то есть).

В то же время видно, что человек это, в общем, неплохой и, может быть, честный, но его нервность действует на нервы, и говорить с ним очень трудно: при первом возражении, несогласии он сразу начинает кричать на вас. И даже

не для того, чтобы испугать, а оттого, что сам перепуган вашими возражениями.

Работать с ним было бы и легко, и трудно. Он не придирался бы к пустякам, но зато любое самое обычное поручение давал бы так, словно сейчас с ним сделается нервный припадок! Говоря с вами, он пребывает словно в каком-то ужасе: глаза его безумно таращатся и слезятся, большой, словно всегда замёрзший, нос скрипит, вся фигура выражает готовность бежать, бежать дальше, а куда? — Бог его знает!..

Подлая Липа ещё в начале октября, когда он только что вступил в должность, не упустила случая пожаловаться на меня, но он, веря ей, как бы не решался пойти войною против меня. Как бы и сам боялся столкновения. Разумеется, от этого мне ничуть не было легче и спокойнее, тем более, что я ни в чём не была виновата.

И всё же — какая огромная разница: новый завхоз и — дед-агроном! Гнусный дед! Одно воспоминание о нём приводит меня в ужас!

*Дед! Откуда и куда идёшь ты?
И зачем суровою клюкой
На ходу с такою злобой бьёшь ты
Землю, что сулит тебе покой?*

*Или сердят эти ароматы?
Раздражает яблонь белизна?
Эх, старик! Цветы не виноваты,
Что сегодня не твоя весна!*

*Но идёшь ты, вдев цветок в петлицу
И, кусая в ярости губу,
Бьёшь наотмашь матушку-землицу,
Как надсмотрщик — чёрную рабу.*

Надо же мне быть такой злосчастной, что время моей работы всегда совпадает с самой тиранической династией! И ухожу я именно тогда, когда в детдоме начинаются более лёгкие времена.

Кто знает! Может быть, с новым завхозом и очень трудно было бы работать, но уверенно скажу: конечно, не так трудно, как с дедом!

МУКИ ПЯСТЬБЫ И СОВЕСТИ

...Однажды вечером завхоз прилетел опять. Директор вызывает меня — сказал он таким тоном, будто я не вправе слушаться.

— Приду, если смогу, — сказала я.

— Не "если смогу", но обязательно! — в смятении и ужасе возопил он. — Рабочих нет, — возмущался он мной, — пасти некому, погода опять хорошая, пасти можно, а при первом снеге меня, так уж и быть, отпустят.

При этом он добавил, что "скоро один коров будем резайт", что это облегчит пастьбу и что — неужели я не пойду навстречу?!

Не будь этих последних слов, я так и не догадалась бы, что ко мне обращаются с просьбой, а не с повелением! — настолько оригинальная манера говорить у этого человека. Но в общем его речи усоветили меня.

В Дневнике следующих соображений нет, но, как сейчас помню, особенно резануло по нервам сообщение, что "один коров будем резайт"! Утешил! Надеюсь, хотя бы не для того они корову резать решили, чтобы сделать мне приятное? — испугалась я. Если именно с этого они (начальство) решили начинать делать мне одолжения, то лучше пусть уж не считаются со мной и дальше, как не считались до сих пор! "Легче будет пасти"? Этак они и остальных коров перережут — чтобы ещё легче было! А я-то ведь ЭТОГО с них не требовала — пусть не притворяются! Я ведь не говядину на-

нималась пасти, а живую скотину. На том, чтобы пасти говядину, я никак не настаивала! Но эти мысли свои я не огласила и даже не записала. Так суеверный человек опасается рассказывать страшный сон, чтобы — часом не сбылся! К тому же я, возможно, подсознанием понимала, что не следует заострять внимание самих убойщиков на их, быть может, ещё и не очень твёрдых намерениях. Это — по части подсознания. СОЗНАНИЕМ же я знала и другое, а именно то, что ни РАДИ меня и ни даже НА ЗЛО мне детдомовские власти ничего не предпримут и, с другой стороны, ни от чего не откажутся. Что всего для них важнее — это их собственные решения или отсутствие таковых — тоже СОБСТВЕННОЕ.

Продолжаю, однако, переписывать свой старый Дневник.

Помочь было — нужно (в пастьбе, конечно, а не в чём-то нелепом!), хотя этот странный человек опять наговорил лишнего: в частности, то, что директор зря "даль" мне расчёт.

Как раз до этого, по дороге в анискинский магазин, я встретила за курганами МОИХ коров.

Я узнала их не столько по расцветке шерсти, сколько по... худобе.

Коровы паслись одни, с ними не было их пастушки — этой отъявленной негодяйки, которая — если верить словам тёти Липы — "нарочно" морила их голодом.

Олимпиада числилась в Детдоме в качестве скотницы.

Теперь их никто не морит, больше того: они сами выбирают, где им пастись, и всё-таки они такие же тощие, как прежде. Что бы всё это значило, уважаемая тётя Липа?

А то и значило, что уже начиналась зима, и трава была кругом жёлтая, как солома, не очень густая, и — как записала я тогда в свой блокнот — ПРИЗРАЧНАЯ.

Коровам давно уже нужен какой-то ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТ. А подобный подножный "корм" теперь годился бы им только на десерт! Ведь это же крупные животные, а не какие-нибудь корненожки: помимо десертных пастбищ, помимо этой бестелесной, бесплотной травы им требуется что-нибудь поосновательнее — сено и комбикорм! А этой мёртвой травы я ведь у них не отнимаю и не отнимала. Но не могла же я ПРИДУМАТЬ для них новые пастбища, если даже за опасным шоссе — их нет! И не могла же я КРАСТЬ для них сено — как тётя Липа КРАЛА У НИХ САМИХ для своего личного козлятника! А куда девали истинный корм остальные власти? Прятали они его, тоже крали, как Липа, или не имели и не имеют — неизвестно...

Ясно только, что я-то, пастух, не обязана была терпеть гонение ещё и за эту чужую вину. Я делала что могла.

День встречи коров с их прежней пастушкой был как раз очень тихим и солнечным. Они мирно жевали выцветшую последнюю траву и — неблагодарные! — совсем не обратили внимания на меня, проходившую мимо! А я, глядя на них и на мирный солнечный пейзаж, расстилавшийся вокруг, подумала, что теперь пасти было бы не так трудно. И распогодилось, и я почти выздоровела, и... я готова была почти поверить Липе, что трава на курганах (коричневая, как мокрая махорка!), "лучше", чем всюду (хотя говорила она это лишь потому, что на курганах я ещё не пасла, то есть — мне назло)! Теперь я только бы читала, а стадо паслось бы само.

Мечта лентяя о райской жизни? Не совсем так. Скорее — человека, обуянного творчеством. В книгах было для меня всё спасение. Поэтому-то — даже если коровы, лёжа, дремали, а Милка не вырывалась на шоссе и не мутила стадо — поэтому-то мне и не разрешалось читать, а сразу БЕЖАЛОСЬ в

дирекцию и ГОВОРИЛОСЬ там, что "она", дескать, "не работает! Стоит — книжку читать!..". Не представляю себе — что же я должна была делать при стаде, когда оно спит? Колодцы копать, что ли, вокруг? Или деревья подпиливать? Ещё успею набегаться. Ведь так-то стадо редко "наслось само", а весенне-летние земледельческие работы — те и подавно никогда не делались САМИ!

А потом приходилось почти
По ноябрьскому снегу пасти.

Но Олимпиада и Шура всё равно были недо-
вольны мной.

... Чем хворостиной тыкать в арабески
Зимы, что застеклила в лужах грязь,
И день-деньской позировать для фрески
В дырявых ботах и за зуб держась;

Чем повод к сплетням подавать опасным,
Когда Борей безжалостно суров, —
Он мог бы к пышным пастбищам аркадским,
К долинам райским перегнать коров!

| "ОН" — имеется в виду ПАСТУХ.

Среди зимы там лето зеленеет,
В снегах фиалка с крокусом цветёт...
А ЭТОТ?! Лучше сам заоченеет,
Чем летний корм зимой скоту найдёт!

А высший результат его стараний —
Среди карандашей да жёлудей —
"Идиллии" его и "пасторали"
В карманах размокают от дождей!

| А вообще-то это верно, что пастушество
даёт человеку больше досуга, чем почти вся-
кая другая деревенская должность.

Застывшая поза чабана где-нибудь в закатных горах, силуэтом — это ведь ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ поза, а вовсе не какая-нибудь саботажная. Так вот и я не могла порой эту позу изменить, заменить её на какую-нибудь там взметённую — даже для удовольствия замечательных таких зрителей, как Шура Б., Липа А., многие другие... Не могла я — да и только! — взломать многотысячелетнюю традицию даже для всей дирекции, для всей приютской страшной администрации и посёлка — для всей колонии Ланфиер!

Право же, они требовали от меня невозможного! Так что, если бы не дождь, не снег, не град, не бури небесные со страшнейшими молниями и треском деревьев над головой (ведь я, точно король Лир, много недель провела под открытым небом), да кабы ещё не простуды из-за плохой амуниции, да не норовистая корова в стаде, да не непрерывные вылазки врага (в лице всё тех же Шуры Б., Олимпиады А., и всей дирекции, и всей приютской администрации, и всей колонии Ланфиер), в пастухах можно было бы и вправду жить припеваючи.

Потому-то и придумывались для меня самые изощрённые пытки, что ТЕОРИЯ именно такова. По ТЕОРИИ я должна была блаженствовать, вкушая отдых в холодке или на припёке, как пастушка Ватто. (Отсюда был и иронический замысел цикла "Идиллии и пасторали".) А как только, бывало, распогодится и стадо поведёт себя мирно (в чём никто из моих боссов, похоже, не был заинтересован!), и я действительно, а не только ПО ТЕОРИИ, начну отдыхать, — так сразу же летят разные типы доносить на-

чальству, что у меня силуэт не взметённый, поза не работающая, а тунейдская или что-нибудь в этом роде... Того было хуже, когда, кинувши мостом-радугой взгляд через всю плантацию, издали замечали они, что я, стоя у берёз или сидя на пне, позирую для фрески ещё и... с книгой в руках! Как я уже обмолвилась выше, это было для них самое невыносимое. Частенько приходилось прятать книгу. Но это было единственное, что я могла сделать для моих соглядатаев и — в пользу их новаторски-смелого пересмотра задач мирового пастушества. Ведь на весь этот пересмотр они пошли ДЛЯ МЕНЯ!

Но вовсе отказаться от чтения — даже для них! — я не могла бы. Меня осаждали тогда образы Джека Лондона: Мартин Иден, профсоюзы, скэбы, рабочая борьба за права, стачки в Окленде из "Лунной долины"... Не без влияния этих американских теней я и стала в рисуемые дни много воображать о себе, как РАБОЧАЯ СИЛА (одна из сорока лошадиных сил старинного паровоза)! Помня и о своих летних трудах, куда более тяжёлых, чем пастьба, я преисполнялась гордостью, задором и презрением к моим гонителям.

Возвращаюсь, однако же, к выпискам из старого Дневника.

...Пойти им навстречу? Но оскорблял тон завхоза. Конечно, я только пастух (сознаю свой страшный "порок"!)). Но с каких пор овцы стали командовать пастухами? Если бы разоралась Молочник, я не так удивилась бы: ведь наш Молочник без гнева и яда то же, что настоящий фарфоровый молочник — без молока. А этот! Он ведь, по всей видимости, сам боится всего на свете.

А мне он в своём безапелляционном крике принёс обломок Детдома, от которого я так мечтала отделаться, забыв об этой территории за чтением и домашними хлопотами. Он мне напомнил, что страшный сон не был только сном. Хотя в море его криков и приказаний плавали иногда отдельные просьбы.

Как только за новым завхозом закрылась дверь, передо мной прошли вереницы "приятных" образов.

Гнусная тётя Липа, багровая от злости, с выскакивающими из орбит глазами, с разинутой пастью, изрыгающей грязнейшую матерщину. Не менее гнусная тётя Шура Б. с кошмарно-холодным созиным взглядом, с упорной, равномерной, неуклонной, неизбежной клеветой на языке, с пальцем, многозначительно поднятым и в ритм ворчанию рассекающим воздух. Новая директорша — бронированный утёс — лицо со взглядом, тяжёлым, как копыто. Длинный, как жердь с глазами, и словно всегда готовый в драку, старик Е.И., изрыгающий свирепую, жёсткую, трескучую матерщину. Дядя Б.В., равнодушный ко всему на свете, кроме чужой собственности, и тоже весь начинённый веской, злой, волевой, так сказать, матерщиной. Дядя И. — подлиза и шкурник, похожий на бритого сатира, — с его клейкой, вялой, самую отвратительной матерщиной. Детдомовские сироты, стреляющие матерщиной при всяком удобном и неудобном случае. Неприветливая, неудобная, осыпанная матом и щепками детдомовская территория; интернаты — жилища сирот, где так и гуляет, бродит нежилой дух; интернаты, всегда тесно населённые, но так и не обжитые за множество лет.

Младшие воспитанники, по-арестантски одетые в серое (с гладко выбритыми, словно у новобранцев царской армии, головами), бегающие под дождём по лужам — без галош, без пальто, без шапок... С носами — всех цветов радуги; с синими, сиреневыми, белыми, голубыми от холода губами.

Кухня, полная воров и жуликов, запихивающих куски под халаты и фартуки, — кухня, обращённая к сиротам своей наиболее невкусной стороной. Кастелянная с решёткой на окне, напоминающей тюремную, — кастелянная, откуда сироты получают свои шапки и пальто не тогда, когда им холодно, а — когда это будет разрешено начальством и подписано его холодной рукой. Кастелянная, где, в тени тюремной решётки, на все уютские воротники ставятся

клейма — то есть имена и фамилии обвиняемых в сиротстве, уличённых в беззащитности.

Контора, похожая на холодильник, где, под взорами администрации, можно бы делать мороженое! И где кое-кто, однако, ухитряется нагревать руки. Контора, куда за собственным честным заработком идёшь, как за смертным приговором.

Холодные коридоры с безнадежно длинными половицами. Холодный вестибюль, где с боков тяжёлого старинного зеркала всё, как прежде, сидят две бесстрастные деревянные совы. Только раньше они были чёрные, а теперь перекрашены в казённую светло-коричневую краску, какой красят двери.

В Детдоме произошло множество перемен. Одни начальники полетели вниз, другие взобрались наверх. Но сироты всё-таки остались на прежней точке — без шапок, без пальто в непогоду. Без хороших руководителей. И при одном взгляде на двух перекрашенных сов, мрачно сидящих на прежнем месте и по-прежнему бесстрастных, вам невольно напрашивается мысль, что у этого мирка переменилась лишь поверхность, дно же осталось нетронутым: никто не попытался проникнуть в глубину. Система управления переокрасилась в другую краску — только и всего!

Впрочем, не будь даже всего вышеописанного, для сомнения мне хватило бы одной только мысли: пойдя я им всем навстречу — и опять придётся видеться с подлой Олимпиадой! Может быть, как раз перед моим уходом она готовила мне очередной номер и никак не ожидала, что я от него увернусь! Может быть, вернувшись на работу хотя бы на несколько дней, я ещё испытаю весь яд прощального "привета".

Конечно, их организация теперь не устроит мне сцены НИ-ПОЧЕМУ: "отошла коту масленица". Но ведь Л. постарается возложить на меня СЕРЬЁЗНУЮ вину! — сделает что-нибудь, уморит корову... Да мало ли что! Со стороны такие опасения могут показаться смешными, но хорошо смеяться тому, кто не знает подлой тёти Л.!

Пойти им навстречу? А они — шли мне навстречу? Когда у меня болел зуб, дали они мне хоть один выходной? Мой законный выходной, уж не говоря ни о чём другом?

Ранней осенью я работала по девять, по десять часов. А когда дни стали короче и перерабатывать уже стало невозможно, допустили ли они, чтобы я недоработала на десять, на пять минут? Пошли ли они мне навстречу?

Нет, не пойду пасти!

И в то же время... помочь нужно. Если в общественном порядке — почему не помочь?

В таких-то колебаниях прошёл вечер. Я была уже готова к новому испытанию. Но, во-первых, проснулась на следующий день поздно, а во-вторых — у нас днём была основательная стирка. Долго меня потом мучила совесть, но — с уверенностью скажу: как бы ни было, а коровы не будут в стойле стоять. Найти для них если не пастуха, то хороший корм — обязанность завхоза. Потому он так и мечется!

(Он метался ещё и потому, что не мог ИЛИ НЕ СМЕЛ прекратить растаскивание казённых кормов тётей Л. и другими сотрудниками для нужд их личной скотины.)

ЛОЖЬ В ОБХОД И НАТРАВЛЕНИЕ

*Что без страданий жизнь поэта
И что без бури океан?*

Лермонтов

...Это было в первый день октября, а может быть, и во второй. Не могу теперь вспомнить и того, по какой причине тогда на меня напала тётя Л. Причины, главным образом, всегда были только две: либо я слишком "поздно" загнала коров в стойло, либо слишком "рано".

Быть может, я и впрямь плохо угадывала время. Но ведь, как говаривала героиня одной моей длинной сказки, — у меня не было часов ни на руке, ни на башне? Зато у меня, как большой поклонницы старин-

ных английских и шотландских баллад, частенько вертелись в памяти остерегающие стихи:

*О Мери! Поскорей
Гони коров домой,
Гони коров домой,
Гони коров домой,
Они на дюнах Ди!*

*Она пошла одна,
И ветер под горой
Был холоден и дик...*

К слову, мне вообще нравилось — очень! — сравнивать себя с разными персонажами, мысленно погружаясь в другие века и переносясь в другие местности. Почему-то это помогало преодолевать напасти! Но возвращаюсь к моему Дневнику.

Если уж тётя Л. начинала орать, то попутно извлекала ещё одну запасную ложь: будто я опять "заморила коров голодом". А как я их могла заморить? Ведь не я же, а как раз сама тётя Л. расхищала у них корма! И чем я могла накопить их в полях, кроме того, что они находили сами?

Бить тётю Л. "её оружием"? Но ведь это значило бы — отпускать ей такую же матерщину, так же гнусно, по-свински, визжать, так же выкатывать глаза — с выходом их из орбит на полметра вперёд, как бы у чудовищной лягушки.

К тому же, — хотя, по причине зубной боли, я повязывала платок чуть ни до самых глаз (что придавало мне сходство с немецким средневековым рыцарем, до глаз закованным в броню!), — мои боевые доспехи только вредили мне: ведь не было у меня ни меча, ни палаша, могущих подтвердить моё рыцарское звание.

В жаркий полдень на площадку замка
На турнир два рыцаря явились
И сошлись для страшного сраженья:
Мрачный рыцарь Чёрного Забрала
И горячий рыцарь Красной Розы.

В душном зное и в тяжёлых латах
Рыцари совсем изнемогали,
Пот катился с лиц... Но лишь друг друга
Хмурые противники узнали —
Ненавистью вспыхнули смертельной.

Рыцари приподняли забрала,
Поклонились сборищу учтиво,
Мрачно обменялись именами.

Было жарко, нестерпимо жарко!
Жарко от доспехов перегретых,
Жарко от убийственного зноя,
От взаимной ненависти жгучей!

Только шёпот стихшего народа,
Шелестящий шёпот одобренья,
Только свежий шум рукоплесканий
Рыцарей горячих остужали,
Словно в зное — листьев мириады.

Толпы стихли. Брошена перчатка!
Два щита приподнялись, блеснули,
Два меча зажглись ужасным светом.
Стал ещё надменнее, бледнее
Мрачный рыцарь Чёрного Забрала,
И под сталью вспыхнул раскалённо
Справедливый рыцарь Красной Розы:
Что костёр (закованный морозом
В ледяные латы) — запылал он!

...А за что те рыцари сражались —
Не узнал никто и не узнает:
Долго люди поединок этот
"Поединком тайны" называли...

На деле всё обстояло, конечно же, немножко не так! И площадкой перед замком был всего лишь двор перед конюшней и стойлами, где всечасно звучало самое, можно сказать, избранное из брани, истинная конюшенная классика! Рыцарями же являлись — кто и кто? Да никто иные как Свиарка и Пастух — прямо по названию знаменитого в те годы совбурского фильма! И Свиарка (то есть, Л.) жестикулировала у закутов. И Пастух (то есть я), физиономию закутав ради большого зуба, — подгонял коров к стойлу и задавал им пойло, не отвечая на брань. И оба работника легко могли бы, видимо, отсняться тогда для рекламы "Свиарки и пастуха", дабы дополнительно высветить всю правдивость и весь реализм этого документа эпохи!

Поведать ли о сомнениях, что одолевали меня на том поприще дальше?

Таким образом, "защищённым" оставался только мой язык: единственное моё оружие — он должен был печально ржаветь в ножнах под свист враждебной стали! Жалкое тряпичное забрало! Оно не спасало ни от внутреннего врага (большого зуба), ни от внешнего — тёти Л. Наоборот, оно обезоруживало меня, лишая языка, верного меча моего. Собственно, меня побеждала мельница! Впрочем, способная измолотить в муку любые доспехи! Знай моя преследовательница мысли мои, она, вероятно, осталась бы ими довольна. Но её глаза, вырывающиеся на полметра дальше носа, всё-таки дальше носа не видели, и моё наружное презрительное спокойствие — в чём-то намеренное, а чём-то и вынужденное — она принимала за чистую монету, и это только подливало масла в огонь...

До этого случая, если я и спорила с ней, то мои возражения были сурово-сдержанны. Я не знала, что, игнорируя своего врага, этим-то и довожу его до наивысшего остервенения! А каково ей теперь, когда я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не могу ей ответить ни слова? Когда я вообще молчу? Это так разнуздадо тё-

тю Л., что, в упоении неограниченной властью, она уж совсем забылась! Напустилась на меня с удвоенной лютостью, но, понятно, отнюдь не по-рыцарски.

Обычно в таких случаях я уходила домой, вся увешанная матом, думая под ненастьем только о том, как бы скорее попасть под крышу. И предоставляя противнику праздновать матёрную свою победу на освободившемся поле битвы. Как раз сюда подошли бы мамыны и мои вариации!

МАМА: *И, не имев к тому мат-знаний,
Позорно пал на поле брани.*

Я: *И, не имев матёрных знаний,
Пал на поле матёрной брани.*

"И растерял при общем смехе Матёрно-бранные доспехи". "На поле брани пал матёрно". — И так далее. Но тут мне, наконец, надоело моё преступное молчание (принимаемое врагом, наверно, за "знак согласия!"), и я решила освободить Л. от этого крупного заблуждения во что бы то ни стало! Больше не думая о больном зубе, не сносящем холодного воздуха, я отвела "забрало" (или — как там называется штука, закрывающая рыцарю рот?) и сипящим от простуды голосом с возмущением отпарировала удар.

В ответ на ливень словесных помоев, в приступе злости и отчаяния, я назвала-таки Л. "пузатым князем тьмы".

"Не ругайтесь чёрным словом, — со страхом говорила мама, — Вы накликаете ЕГО, — а ОН и так всегда близко!" Но — от того ли, что "он" (в лице тёти Л.) приблизился теперь ко мне уж совсем почти вплотную или от того, что наказания родителей вообще долго не доходят до слуха детей, — я употребила-таки, защищаясь, чёрное слово. Утешаясь тем, что зато оно якобы не похабное, я двинула его, конечно, прямым кратким текстом, безо всяких

"князей". Но теперь, когда мой взгляд на вещи переменялся в пользу родительских старых предупреждений, я — ничего в дневнике не меняя — всё же заменила (в виде исключения) "князем" слово, которое Анастасия Цветкова заменяла буквой "ч". Тоже, видно, не зря!

Не правда ли? Учитывая все обстоятельства, я могла позволить себе такую роскошь! Это ведь не матерщина, хотя и не строка из "Песни песней". Конечно, у Л. передо мной то преимущество, что её словарь гораздо богаче. Но там, где у неё был выигрыш по богатству, я брала убедительнейшим постоянством. Она награждала меня гнуснейшими прозвищами. "Князь тьмы пузатый", — отвечала я. Она свободно перебирала весь жаргон. "Князь тьмы пузатый", — слышалось в ответ. Новое мерзкое прозвище шлёпалось с неприятельского языка. "Князь тьмы пузатый" — только и всего. Никаких доводов, опровергающих обвинения и разоблачающих ложь: "Князь тьмы пузатый! пузатый князь... .."

Было бы ошибочным думать, будто я специально остановилась возле Л.: война шла лишь до тех пор, покуда коровы не были загнаны в стойло и привязаны. А ляг оружия лишь сопровождал эту мирную церемонию.

*Я не здесь, не здесь! Я вас не знаю.
Я на дне растаявших столетий,
В тёмной глубине Средневековья.*

*Больше не хочу я к вам подняться —
Я хочу остаться здесь навеки.
Я не знаю вас, не вижу и не слышу,
Только слышу чей-то голос нежный,
Голос, от волнения дрожащий:
"Плачут потускневшие виолы".*

Сцена у конюшен будет неполной, если я умолчу о приютских детях, присутствовавших на турнире. Л. постоянно собирала их

возле конюшен и стойл, дабы подтянуть их "на счёт словесности", а заодно обучить их всему, чего сама она не умела, то есть: запрягать, распрягать, седлать и рассёдлывать... И, делая вид, будто "учит", незаметно всю работу она переваливала на детей. (НЕЗАМЕТНО — это значит с помощью мамы.)

Таким образом, ребяташки в прямом смысле ВОСПИТЫВАЛИСЬ НА КОНЮШНЕ.

В виде гонорара они получали от добренькой тёти позволение курить, плевать с цыканьем сквозь зубы на большие расстояния — чуть ли ни на противоположный берег и, как я уже намекала, развивать язык соответственно близости свинарника и конюшен (свинарника же в особенности!).

Пройти мимо этого кембриджа немислимо было, не вспомнив о топорах, что обыкновенно развешиваются в спёртом (т.е. украденном, то есть, от слова "спереть") воздухе. В воздухе, который приютские бидли (рифма — быдло) всегда, в крайнем случае, успевают заменить АТМОСФЕРОЙ.

Л. получала две зарплаты: и как свинарь, и в качестве конюха. И это было, пожалуй что, справедливо, потому что визжала она, как свинья, а ругалась, точно конюх. В чём-в чём, а в этом она обе должности оправдывала с лихвой.

Натурально — ребяташкам льстила обстановка свободы нравов. К тому же, обучаясь "языку" у конюха, не умеющего запрягать, они ощущали себя великодушными защитниками слабых и (в промежутках между бранью) презлостно охающих. Им было даже

выгодно глядеть сквозь пальцы на неумелость Л. — умелые-то, возможно, не дали бы им ни запрячь, ни выругаться!

Одного Л. никак не могла своим верным ученикам втемяшить, одного они не понимали: за что они должны ненавидеть местного пастуха? И открыто пренебрегали этой дополнительной обязанностью, как самой неинтересной.

Но я остановилась на том, как — "Лязг оружия лишь сопровождал эту мирную церемонию".

И когда всё необходимое мною было сделано, я не задержалась у стойла ни одной лишней секунды.

Уходя в надвигающуюся холодную ночь, я ещё долго слышала позади себя дикие задыхающиеся крики.

Проходили дни. И каждый день я думала: "Завтра я сама приду пасти". Но пасти не пришлось.

Как-то, поздно вечером, возвращаясь домой через территорию Детдома, мама встретила там вечно бодрствующего завхоза и говорила с ним о моей пастьбе. Оказывается, мои услуги уже не требовались: завхоз сдал стадо колхозному анискинскому пастуху.

Не говорила ли я, что коровы не останутся в стойлах?!

А всё-таки — что наделал безвременный снег! Выпал — и тут же растаял, а всех обманул, всё переиначил!

На этом и закончилась моя аркадская идиллия.

Сентябрь и октябрь 1954 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Да, нелегко бывало. Но ведь было не только плохое. Ведь кроме хищных молочников и прочих уголовных паяльников; кроме самодовольных растратчиков и хитителей, вечно безнаказанных; кроме страшных рецидивистов, диккенсовских приходских бидлей и распущенных колчеданских фурий, под видом грубоватого, но честного "простонародья" навалившихся на сиротский приют; кроме всегдашнего напряжения, вечного — и вечно бесполезного! — бунта, конюшенного классицизма и "турниров" — было ведь и другое. Была молодость! Были наброски стихов и прозы, рассованные по карманам. Была пленительная цветущая местность Молодой Колонии! И, наконец, великие планы! Я собиралась, например, поступить в мастерскую вывески или сделаться надомницей — разрисовывать рожицы куклам для игрушечной фабрики. Мечты, мечты! Этим непомерным притязаниям не суждено было сбыться. "Пойди туда, — не знаем куда, и принеси то, — сами не знаем — что", — говорили мне самые разные люди. И власти Детдома (потом ещё некоторое время) не отпускали меня восвояси.

— И всё-таки хорошо, что ты в коллективе! — говорил отец.

— Па, какой же это "коллектив", если это шайка разбойников?

Как тут не вспомнить и кое-что из испанской классики: "Это не волшебники, о сеньор, это стадо баранов!" Но отца невозможно было переубедить. Это был тот же Дон Кихот! — один из последних романтиков нашего трудного времени.

Глава вторая

ИДИМЛИ И ПАСТОРАМИ

РИСУНКИ ДЛЯ ТРЁХ ПЛАБЪАКЕРОК

Пастушкой сделавшись нежданно
И выгнав стадо на росу,
Я стала думать, как ни странно,
Что я действительно... пасу!

Но оказалось на поверку,
Что по траве, по блеску мха,
По росяному фейерверку
Скотина — гонит пастуха.

Закончилось моё терпенье!
И достижения все — не в счёт.
Одно лишь ясно мне: теперь я
Не знаю — кто кого пасёт!

1953

ПОЧТИ ПО ЖУКОВСКОМУ

О дивных ясенях, роптавших много лет,
О липах, коими соседка и сосед,
Их на дрова спилив, зимою печь топили,
"Не говори с тоской: "Их нет",
Но с благодарностью: "Были!"

1953

ИДИЛЛИЦКОЕ С ЗЛЕТИЦКИМ

Едва лишь некто
Раскрыл уста —
Один директор
Слетел с поста...
Не говори:
"Вот жизни радость!",
Не говори:
"Так вянет младость!",
Спроси осла:
"За что попало?"
И, если мало...
Уйди от зла.

18 декабря 1953 года

*ДЕТАЛЬ НЕБОЛЬШОЙ ПЛАСТОРАМИ
ПРО ТО, КАК ЗАБОР УКРАЛИ*

Позаботились люди о воре
И проделали дырку в заборе.
Впрочем, там, где хватило б одной
Незаметной лазейки (потеха!), —
Велика же в заборе прореха:
С территорию всю — шириной!

1954

ЗАВХОЗИКА

Наша завхозиха — с холода, с воздуха —
Красна, как свёкла.
Вымчав на улицу, плещет завхозиха
К нам пивом в окна!

Лупит детдомовских! — схватит за глотку,
Встряхнёт сиротку!..
Нет её злей по всему околотку,
А жаль мне тётку:

Так и загинет безвестной мегерою
В дождях-метелях...
А эту бы атомную энергию —
Да в *мирных* целях!

28 ноября 1954 года

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ПЛАСТУХ

Жизнь коварная не стелет
 Мне своих ковров.
 Голый лес. Холодный берег.
 Я гоню коров.

Кости выставлены остро
 У коров моих.
 Лист осенний, мокрый, пёстрый,
 Падает на них.

Я под ветром, я во власти
 Снега и дождя...
 Я из тех, кому о счастье
 Помышлять — нельзя.

Счастье?
 Может быть, и стала б
 Я мечтать о нём,
 Кабы ведала да знала б —
 Где оно и в чём!

Или счастье — дождик тощий?
 Зимний листопад?
 Каково оно наощупь?
 С чем его едят?

Или это книга? Веер?
 Дом? Дорога? Дым?
 Всё, чего мы не имеем
 И о чём грустим?

Я-то в счастье не зазнаюсь.
 (Можно мне грубить!)
 ...Грёзы, грёзы!
 Полно за нос
 Пастуха водить!

Ярко холодом отмечен
Мой пастуший нос;
И без вас уж он расцвечен
Радужнее грёз!

Озарил он путь коровам
Вдаль на три версты...
Ах! — от холода таков он, —
Не от вас, мечты!

Где высокие оценки
Нашенских баллад?
Где пастушеские сценки
На аркадский лад?

Ватник мой велик и страшен!
В длани — длинный прут...
Я прозяблась... Но куда же
Вдруг коровы прут?!

Вижу — дело принимает
Сложный оборот...
Вижу — стадо залезает
В чей-то огород!

Из лохани будут вскоре
Всех нас поливать!
(Не на чайном же фарфоре
Это рисовать!)

— Эй, назад!
        Прошла усталость.
Грусти — нет как нет!
Значит, всё же замечталась...
Эх! Поэт, поэт!

27 декабря 1954 года

СТАДО И ПАСТУХ

Басня

Один Пастух чрезмерно был умён.
И вот подумал как-то он,
Что, дескать, надо
На путь премудрости ему своё наставить стадо.

И стал учить Пастух
Своих коров — прекрасной русской речи...
"Уж то-то, — думал, — будем вслух
Мы толковать по-человечьи!
Когда со мной они заговорят,
Скучать не буду я впервые!
Должны же, кроме "Эй!", "Пошла!", "Вперёд!",
"Назад!",
Бурёнки разбирать реченья и другие!
Тогда они душою станут выше,
А поведением — смиренней, тише,
И с тонкостью воспримут вдруг
Величие Искусства и Наук".

И что б вы думали? Затеяливый Пастух
Старался не напрасно:
Он скоро обучил всё стадо думать вслух
И рассуждать — логично, трезво, ясно!

Но только... с той поры
С утра и до полуденной жары
И с полдня до ночи не знает он покоя!
Казалось, и не слыхивал пока
Всех переливов он родного языка
И лишь теперь узнал — что это есть такое!

Да! Лишь теперь Пастух постиг,
Что значит *человеческий* язык —
Разнообразный, красочный, богатый —
В устах скотины, глупой и рогатой!

С утра до вечера всё стадо — от быка
И до самомалейшего телёнка —
Готово расточать (басисто или тонко)
Сокровища родного языка!

И — от овечьего болезненного меццо
До бычьих злых басов
Без смысла льётся речь... И некуда уж деться
От рёва безобразных голосов!

Пастух ещё и тем безмерно удручён,
Что с утренней зари до вечера сырого
    (Не то что вся толпа —
    Весь хор от лба до лба,
Но) даже ни одна *отдельная* корова
Ни разу путного не вымолвила слова:
Вначале был, казалось, толк, да вышел вон...

А в довершение греха
Один ягнёночек, любимец Пастуха,
Вдруг оказался супостатом
И... выругался матом!

Что ж... Призадумался Пастух ещё на час.
И порешил собрать — не то чтоб *заседанье*,
    Как говорят у нас
    (Ведь выходцы из стад,
    По счастью *не сидят*),
    А *застоянье*

Или, короче говоря, — собрание:
Мол, в этом случае скоты заговорят
Немножечко умней, чуть более впад.
    Для этого и надо
Создать *организованное* стадо.

Собрание в сборе. Слушает едва
Скотина Пастуха...
Однако ж намекает,
Что чётко знает, дескать, все свои *права*,
Обязанностей же — не знает.

О, более того! — какой-то бык
Сказал, рога склонивши вмиг:
"Мы в стаде большинство,
А пастырь — меньшинство.
Мы в выборах и на собрание — сила!
Нас просветил Пастух, и это очень мило,
Поскольку здесь теперь не только он
Один, — а всяк из нас учён, умён, мудрён...
Законы знаем мы!

Весьма хорош закон,
Который большинство над меньшинством возвысил!
Итак, дабы от нас наш пастырь не зависел,
Его прогнать должны мы вон!

Теперь умны мы сами, слава Богу,
И к стойлу без него найдём дорогу".

Читатель мой, суди по-своему... Но жаль,
Коль скоро ежели не ясно — в чём мораль!
К призывам большинства прислушиваться надо,
Но лишь тогда, когда оно — *не стадо*.

7 сентября (около вечера) 1955 года

ИДИЛЛИЯ

Светло-алый шиповник незакатный,
Свежесть ночи и дождик морозящий,
Шелест листьев невнятный,
Тишину приносящий.

Соловейка свистит самозабвенный —
Не глядит на душистое ненастье...
Утра час проникновенный,
Вдруг бледнеющий от счастья.

Зов кукушки, туманы голубые,
Их безмерная шаткость и неточность
И фиалок в той ложбине
Аметистовый источник.

Что с того, что — как мыслью и поступком —
Всё же связан пастух своим стадом?
Всё равно ведь (когда его отпустят), —
Всё равно ему бродить — где-то рядом,
К этим рощам —
Приковываться взглядом.

начало июля 1956 года

ПАСТУШЕСКОЕ

Снова грусть и раздумье пастушества
Надо мной свою власть обрели,
Дав душе моей ближе прислушаться
К сокровеннейшей речи земли.

Что такое "пастушество"? Хочется
Мне по-своему это сказать:
Это радостное одиночество
И печальная благодать.

Это некое светлое таинство,
Это голос забытых годин
В час, когда ты при стаде останешься
И с природой — один-на-один.

Вот мне под ноги (с мёртвым изяществом!)
Жёлтый лист полетел — и затих;
Юный замысел, еле дымящийся,
В тот же миг разгорается — в стих!

В бурой шляпе из бархата нежного
Мне встречается гриб-моховик;
— Вы не подняли шляпы! Невежливо!
Всё ж я рада вас видеть, старик.

А кругом тишина полнозвучная,
Порождающая чудеса...
И опёнков семья неразлучная,
На пенёк налезая и луч лова,
Как на фото снимается вся!

Всё вокруг вдохновляет и радует,
Всё — значительным чем-то блестит:
Жёлтый лист — если даже он падает,
Голый лес — даже если грустит.

На рябинах — моё любованье.
Смуглый жёлудь положен в карман.
Жизнь красна, как весны упование,
И горька, что осенний туман.

И, как радость, другим непонятная,
Грусть является издалека;
Как багряные листья, нарядная,
Как седой снеговой, безоглядная
И, как заморозок, — легка.

29 октября 1956 года

*СТИХИ, СОЧИНЁННЫЕ
ПРИ ВТОРОМ НАЧИНАНИИ
РОМАНА "СОЮЗ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ"*

Осень пришла. Золотая почти!
Стали кругом паутинки летать...
Славно коров при затишье пасти!
Только не славно — людей наблюдать.

Наша Палаша сидела в саду,
Думала некую думу. И вот,
Воздухом наволочку надув,
Воздух теперь продавать повезёт.

Наша Палаша таким ремеслом
Даже гордится! И даже могла б
Грёзы и сны продавать за углом!
(Если бы что-то ей снилось под храп.)

Сколько же в ней спекулянтского есть!
Эй, поглядите на эту сову!
Вообразите: какую-то вещь
Купит во сне, а продаст — наяву!

Люди как жанр? Хорошо. Но не здесь.
(Слух матюгами пресыщен вполне.)
Если бы только пейзажи... Но "смесь
Жанра с пейзажем" — никак не по мне.

Осень пришла, золотая почти:
Вот уж и листьям черёд облетать...
Славно коров на припёке пасти!..
Вовсе не славно — людей наблюдать.

21 октября 1958 года

* * *

Пастух по стаду выстрелил кнутом.
Дорога в лес тепла и лиловата.
Узоры листьев чёрным решетом
Пресеивают золото заката.

Темнеет;
                    кольца плавятся на пне...
Шум сосен сух, как тёплый шорох шлака...
Между стволами, в розовом огне,
Танцуют мошки, словно крошки мрака.

А я ещё живу минувшим днём,
Танцую про себя, отстав от танца,
Бегу за убегающим огнём:
"Стой, солнце, я прошу тебя — останься!"

Но вот и ночь, горячая, как весть,
Что завтра снова будет день погожий.
И чувствую, что солнце где-то здесь:
Под тонкой тьмою,
                                    точно кровь под кожей.

ЖДУ СНЕГА

Долги дни короткие.
Ветви в небе скрещены,
Чёрные и чёткие,
Точно в небе трещины.
    Плач берёз потупленных...
    Пни дождём разварены,
    Точно замков кукольных
    Древние развалины.

Листья под заборами.
На осинах вороны —
Осени блюстители,
Листьев заместители.
    Ближний лес туманится,
    Вкривь и вкось проветренный,
    Дождь резиной тянется...
    Снег — и тот приветливей:

Налетит, завертится,
Пень прикроет горкою,
На лету задержится
За рябину горькую,
    Всё собой оденет он,
    Всюду, всюду ляжет он,
    Всё куда-то денет он,
    А куда — не скажет он.

КОРЗИНИЦА

По зелёным долинам играет
Виноград, виноград, виноград.
Кто растил — пусть идёт собирает
Виноград, виноград, виноград!

Раскалённо сверкнут стрелы солнца —
Ну и что ж? разве я протестую?
На плечо мне, как руку, положит
Лето — гроздь винограда литую,

Чтоб напомнить о весне.

Два вола
Меня влекли в долину,
Я плела
Под виноград корзину,
Даль была
Уже весной осенена,
И носил
Весенний ветер семена.

На плечо
Корзину я надела...
Плеть корзины —
Ведь и это — дело!
Я сплетала их из прутьев
Ивовых,
Я вплела в них тени веток
Сливовых!

А теперь (тин-та-ран, тин-тариран)
Всюду рдяные гроздьи блистают,
По гитарам и по тамбуринам
Тени листьев резных пролетают...

То застынет струя зачарованно,
То бурлит в кабачках придорожных...
И уже ковыляют неровно
Пастухи, первый жбан опорожнив:

Рин-тан-тан,
Та-ра-ра-рин-тан, рин-тан-та-а!

ПЯСТОРАМЬ

Возвращаясь домой, из-под склона
Мы неспешно и неуклонно
Подымаемся вслед за дубами,
Подымающимися перед нами.

Помрачнев, как в Аид ворота
(Лишь по краю — пух-позолота),
В предосенних уютах лени
Против солнца встают их тени.

Но шагов за одиннадцать этак
Жёлудей мы уж видим лепнину,
В кружевную зрелищность веток
Погружённых наполовину.

Козопасы под лиственной сетью
Почивают, не помня даже,
Что промчали тысячелетья,
А профессия их — всё та же!

Начиная к воде спускаться,
Видим: козы в ложбинах дальних,
Объедая листву акаций,
На копытах стоят хрустальных...

Охранительница благоденствия!
Рассуди нас, богиня Деметра!
Козы пляшут... Но заросли девственные
Под набегом их — гибнут заметно!

Неужели ты миру позволишь
Такое решение спора?
Неужели из двух — одно лишь:
Либо Фауна, либо Флора?

Или Фауна на постое у
Щедрой Флоры — законное дело?
Но поэт говорит: "Плачь, История!
Козья фауна — Грецию съела!"

Сочинила бы я буколическое.
Идиллическое. Для затравки.
Но не вижу большого количества я
Ручейков, и деревьев, и травки.

Вновь нужна тебе, хищник, эрозия?
Позарез — кариесы камней?
Лишь тропа расширяется козья —
От морей до морей...

А "хозяевы"?
Рты нарочно, зевая, раззявили:
Дескать, "нашу козу да с капустою
Только волк разлучить в состоянии..."
...Рощу кушают козы вдоль спуска,
Встав на цыпочки, в белом сиянии

Солнца позднего... Грацией козьею
Невозможно не залюбоваться!
Но и с пышной листвою
раньше осени,
Прежде времени —
жаль расставаться.

*РИСУНКИ ДЛЯ ЧАЙНОГО СЕРВИЗА,
или Обманутый пастушок*

Мы, вроде, вчера сговорились
Плясать до утра с Амариллис
На нашем Овечьем лугу.
Так что ж не идёт Амариллис
Плясать, как вчера сговорились?
Я долее ждать не могу.

Я был бы, конечно, скотиной,
Когда бы с пастушкой Беттиной
С досады пустился плясать!
Но... был бы я — так же — скотиной,
Когда б не сдружился с Беттиной
И начал ей вызов бросать!

Двух песен с Беттиной не спели,
Два круга пройти не успели —
Уже Амариллис пришла!
И видя, что я ей не верен,
Свой сельскохозяйственный веер
Леандру всердцах отдала!

А он подарил ей гитару,
Перчаток пастушеских пару
И шёлковый зонтик притом.
(Гитара нужна для напева,
Перчатки из кружев — для хлева,
А зонтик — ходить за скотом.)

Весь в розах, в пастушеских бантах,
Побрёл я в сарай на пуантах
И — пару пастушеских цитр
Хватив о бордюру балюстрада,
Амвросии выдул с досады
Я чисто пастушеский литр.

И вспыхнул в моих подсознаниях,
Под шляпою в перьях фазаньих,
    Типично-пастушеский план:
Леандр, легкомысленный скотник,
До женского пола охотник,
    Ответишь ты мне за обман!

Вблизи мелового карьера
В долину спускалась портьера:
    Я спрятался в складках ея
И, маску достав из крапивы,
Сел ждать, чтобы вместе пришли вы —
    Леандр и плутовка моя!

Зачем ты не шла, Амариллис,
На пляску, как мы сговорились?
    Почто объявилась не в срок?
А я-то! — я чтил её свято!
Свидетели — овцы, ягнята,
    И розы,
    И горы,
    И дрок!

31 июля 1996 года

ЖЕЛУДЬ

Близ дубов я подбираю жёлудь
И в карман кладу, как лазурит,
Потому что жёлудя тяжёлость
Мне о ценном, цельном говорит.

От того ли, что, лошадно-гладок,
Ливнями налит, бочарно-бур,
Этот тип с оттенком старых кадок
Кажется тяжёлым чересчур.

Он карман мне тянет; он в подкладку
Укатиться может (ватник рван!), —
И приходится мне для порядку
Снова лезть за жёлудем в карман.

Помню жест мой в том краю далёком;
Жест, который мог бы ненароком
На безлюдье важности нагнать!
Так часы (с цепочкой и с брелоком)
Из жилетки
                                под любым предложением
Извлекает завтрашний магнат...

Жёлуди мои в лесу зелёном!
Все вы (я ищу вас до сих пор!)
Были с репетицией, со звоном;
Все — как серебро и мельхиор!

Где ты, чаща с полукруглым входом?
Где поэт, привыкший год за годом
О серьёзном будущем радеть?
И на каждый жёлудь —

Гесиодом*

Техники, — как на часы с заводом,
Как на вещь прекрасную глядеть?

---

* Гесиод — древнегреческий поэт, певец пастухов и стад

Принято на свете между всеми
На часы глядеть — "Который час?"
Жёлудь, жёлудь!

Покажи мне время
Навсегда ушедшее от нас.

1 декабря 1997 года

Глава третья

ОТЧАЯННАЯ МЭРИ

Стихи 1940-50-х годов

САДЫ В ЦВЕТУ...

Сады в цвету
у гладких диких скал:
В них шумно хлынул ливень молодой
И лилии серебряный бокал
Налил сияющей и звонкою водой.

И в тишине освобождённых гор
И в блеске переливчатой весны
Шиповник ввысь глядит
Из влажной глубины,
Как ароматный розовый костёр.

1944 (или 1945)

* * *

Из трещин серых стен ползёт зелёный мох —
Такой живой-живой и юно-яркий!
И в сумерках сырых растёт огромный вздох
Большого, тёмного, запущенного парка...

Светляк сверкнул в росе, как быстрой мысли миг,
И где-то задрожал прохладный голос птицы...
А шум больших дубов —
  как шёпот мудрых книг:
Как будто шелестят несчётные страницы.

1944 (или 1945) год

ВЕСЕННИЙ ПУТЬ

Полный шума, шороха, тревоги,
Мокрый сад сгущается в ночи.
На большой темнеющей дороге
После ливня лужи, как лучи.

Лунный ветер веет беспредельно
В сыроватых нежных облаках...
Светятся — кто вместе, кто отдельно —
Огоньки в далёких далеках.

Я забыла ночи дикой стужи —
В лунный свет мне хочется уйти.
Пусть горят серебряные лужи
По всему далёкому пути!

Я иду туда, где вечный запад
До зари затмиться не готов!
Сосен серебро... Пунцовый запах
Прячущихся в зелени цветов...

Если я нарву цветов душистых —
Соловья вспугну или сову?
Нет! Ни хриплых я, ни голосистых
Не вспугну, душистых — не нарву.

Жизнь твоя и так — в едином миге!
Так живи насколько хватит сил,
Аромат, таинственный и дикий,
Что в пути меня остановил.

РЕМБРАНДТ

Он умер в Голландии, холодом моря повитой.

Обворованный бог, нищий гений.

Он умер

и дивную тайну унёс нераскрытой.

Он был королём светотени.

Бессмертную кисть, точно жезл королевский, держал он

Над царством мечты негасимой

Той самой рукою, что старческой дрожью дрожала,

Когда подаянья просил он.

Закутанный в тряпки, бродил он окраиной смутной

У дворишков заиндевевших.

Ладонь исполина он лодочкой складывал утлой

И зябко подсчитывал мелочь.

Считал ли он *то*, сколько сам человечеству отдал?

Не столько ему подавали!

Король светотени, он всё ж оставался голодным,

Когда королём его звали.

Когда же, отпетый отпетыми, низший из низших,

Упал он с последней ступени,

Его схоронили (с оглядкой!) на кладбище нищих.

Его — короля светотени!

...Пылится палитра. Паук на рембрандтовской раме

В кругу паутины распластан.

На кладбище нищих в старинном седом Амстердаме

Лежит император контрастов.

С порывами ветра проносится иней печально,

Туманятся кровли и шпили...

Бьёт море в плотины... Не скоро откроется тайна,

Уснувшая в нищей могиле!

Но скоро в потёмки сквозь вычурный щит паутины
Весны дуновенье прорвётся:
Какие для славы откроются миру картины
В лучах нидерландского солнца!

И юный художник, взволнованный звонкой молвою,
И старый прославленный гений
На кладбище нищих с поникшей придут головою
Почтить короля светотени.

А тень от него никогда не отступит. Хоть часто
Он свет перемешивал с нею.
И мастер контраста — увы! — не увидит контраста
Меж смертью и славой своею.

Всемирная слава пылает над кладбищем нищих:
Там тень, но и солнце не там ли?
Но тише!

Он спит.

И наощупь художники ищут
Ключи неразгаданной тайны.

ПОТРЕБОК

Мы обнаружили погребок
В трюме погибшего корабля:
Враз между скал
Грузно застрял
Тот измождённый разбитый корабль.

Под исполинским днищем его
Камни, песок оголил отлив,
Ярких
Водорослей бахрому
Ветер на киле его шевелил.

Бурями съеденные паруса,
Сжёванные зубами невзгод,
Сникли, лохмотьями чуть поводя, —
Водорослей не лучше ничуть.

Склизкое днище, борта корабля
Саваном раковин обросли;
Моллюски выросли
В железо и в дуб,
Остов титана, как снегом, покрыв.

Пойте, друзья, про гавайскую ночь!
Пойте скорей — про Бискайский залив!
Мы обнаружили в трюме вино —
Выпьем за тех, что погибли в волнах.

И отсырелый бочонок вина
Выкатили на палубу мы.
Эхнуло эхо в скалах пустых...
Море вечернее меркло вдали.

И вот под хохоты эха, вмиг
Вышибли мы у бочонка верх;
Тёмным, как тайна, терпким вином
Мигом наполнили чаши свои.

Пейте, друзья, за здоровье живых.
Пейте за мёртвых, за их упокой.
Пейте за тех, что шальное вино,
Это вино — не успели допить.

Может быть, были ребята с душой.
Может быть, были и трусы меж них.
Как бы то ни было (пейте, друзья!),
Все, как герои, погибли они.

Ежели страшной погибель была,
Всех тяжелей — капитану пришлось.
Если единожды каждый пропал —
Множество раз погибал капитан.

Он погибал за себя самого —
Жизни лишался своей. Это раз.
Он погибал за команду свою —
За молодцов за своих. Это два.

И, наконец, погибал капитан
Гибелью своего корабля,
Грозной гигантскою гибелью. Три.
Выпьем же за капитана, друзья!

Страшно ль им было? Осталось о том
Только догадываться теперь...
Всё-таки *все* они, все храбрецы:
Только отважные в море идут.

Но, коли в бурю ужасную, в миг
Лютый, когда на скал острия
С треском громов напоролся фрегат
И раскололся — огромный — по швам,

Дрогнули многие, может быть, все, —
Кто это видел? Кто мог пожелать
Участь печальную их разделить?
Как бы то ни было — выпьем, друзья!

Выпьем за старый погибший корабль,
Выпьем за мёртвых, за их упокой,
И за живых,
Что о судьбах своих
Ведают меньше, чем судьбы — о них...

Вот оно, море!
Мерцает оно,
Мелкие волны проходят, шумя,
На горизонте смыкается ночь,
Сотни опасностей ждут впереди.

Но никакие невзгоды морей
К суше опять не привяжут нас.
Но никакие блаженства земли
Нас не отучат море любить.

Пойте ж! Событие голоса ждёт...
Пойте, друзья, про гавайскую ночь,
Пойте дружной про Бискайский залив,
Про ослепительный ветер и шквал!

Ветер усилился; близок прилив;
Скоро мохнатый каркас корабля
Мощная бездна поглотит опять.
Канет в преданье и наш погребок...

Пейте же, братья, пока ещё есть
В этом чудесном бочонке вино!
Пойте! — пока ещё к дряхлой корме
Волны вплотную не подошли...

Море кипит...
Заглянула звезда
Грустно в бочонок таинственный наш.
Что призадумались?
Надо ещё
Нам до прилива на берег успеть.

В ночь на 29 декабря 1953 года

ПЬЯНЫЙ ИНДЕЕЦ

Песня

Буйволлов глаза кровавые...
Дикая далёкая страна
За поволокой сна...
Здравствуй, здравствуй, прерия свободная!
Дружище Запад! Здравствуй, старина!

Солнце над повозкой тряскою,
В ярких травах тонет колесо,
Напоён свободою и ласкою
Душистый ветер, дующий в лицо...

Ах! — но это сон! Не верь ему!
Это всё напрасные мечты:
Нет свободы, нет зелёной прерии...
Жестокий виски! Всему виною — ты!

Всю красу народа славного
Загубил, о виски, твой обман!
И колено пред копытом дьявола
Склонил потомок последних могижан.

В городе большом затерянный,
Над вином сидит он, как в дыму;
Золотая Западная Прерия
В угаре бара мерещится ему...

Джаз ночной гремит приподнято.
Пьёт индеец. Блеск в его глазах...
Хитрый виски! Всё, что вправду отнято,
Уж хоть во сне ты верни ему назад!

Виски! Вождь уничтожения!
До конца игру свою веди!
Рад бродяга в рёве разрушения
И утешенья хоть капельку найти.

Вот глоток ещё — и свесится,
Упадёт бессильно голова.
И в сознание гаснущем засветятся
Последней песни последние слова:

— Солнце над повозкой тряскою,
В ярких травах тонет колесо...
Напоён живой певучей сказкою
Зелёной ветер, дующий в лицо!

Буйволов глаза кровавые...
Дикая далёкая страна...
За поволокой сна...
Здравствуй, здравствуй, прерия свободная!
Дружище Запад, — здравствуй, старина!

6 сентября 1955 года

ОТЧАЯННАЯ МЭРИ

Баллада

Буруны, скалы, мели, —
Девятый вал ревёт...
Отчаянная Мэри
Над скалами живёт.

Мы знали все заранее,
Что Мэри — молодец!
В береговой охране
Служил её отец.

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

Споём же в память Мэри,
Отважной, смелой Мэри!
Пусть в небе людям праведным
Отчаянность простят!

Как дик в пустой пещере
Бывает ветра свист!..
По нашей славной Мэри
Вдыхал контрабандист.

По скалам и карьерам
Он рыскал волком серым
И стать миллиардером
Мечтал, авантюрист.

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

Взойдя к её жилищу,
Он Мэри предлагал
Косматую лапищу
И счастья идеал.

Косматую лапищу,
Чужих дублонов тыщу, — и
Ещё один. Особенный!
Которого не крал!!!

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

Он говорит ей: "Вот они! —
И сыплет их на стол;
Скажи, не идиот ли —
Кто трудится, как вол?!"

А *этот-вот* — в обтяжку
Обёрнутый в бумажку, —
Я (допустил промашку
И) — *честно* приобрёл!"

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

Но Мэри отвечала
(Послушайте её!):
"Бросай-ка, Джек, сначала
Разбойное житьё!"

Но Мэри отвечала:
Уведи вельбот с причала!
Твой парус, как мочало, а
Друзья твои — ворьё!"

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

В тот миг стоял у двери
Ещё один бандит:
Об был в какой-то мере
На девушку сердит.

При звуках речи смелой
Он стал, как мрамор, белый!
И кортик оголтелый
Ей в голову летит...

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят...

А что слышать о Джеке?
Куда девался Джек?
А Джек теперь — навеки
Пропавший человек!

В угаре постоянном
По знойным южным странам,
По кассам и карманам
Гуляет Бравый Джек...

Ну кто не знает Мэри?
Отчаянную Мэри?
Во всех тавернах пьют за Мэри —
Тосты говорят!..

Споём же в память Мэри,
Отважной, смелой Мэри!
Пусть в небе людям праведным
Отчаянность простят!

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Старинных книг мерцают корешки,
Сверкают в сумерках весёлой позолотой.
Блуждает сок таинственной строки
Под тёмною корою переплёта.

Цветы имён навывкате блестят,
Как будто в тень читать зовут кого-то,
И в полутьме цветут и шелестят
Душистые преданья Скотта.

Он мне сейчас расскажет обо всём,
Чему поэты удивлённо рады:
Польются под решётчатым окном
Старинные шотландские баллады,

Начнётся ветер, музыка и дождь,
И лягз оружия под глухой стеною,
И ночь, многозначительная ночь
Наполнится глубокой стариною;

В ней фолианты сдвинутых стволов,
В ней тысячи тропинок тайниковых,
В ней свет жасмина, дрожь колоколов
И взрывы роз у стен средневековых.

Раздастся на дороге звон копыт,
Оконце вспыхнет всаднику навстречу;
Там кто-то вечно ждёт и никогда не спит,
И вечен запах роз, и вечен синий вечер...

Всё в книгах вечно. Только в них одних!
Нет ничего бессмертнее бумаги:
На ней навеки (встретившись *на миг!*)
Оцепенели скрещенные шпаги...

Окончив книгу — вновь её раскрой,
Вновь перейди на первую страницу, —
И незабвенный умерший герой
Для славных подвигов — опять родится!

...Старинных книг мерцают корешки:
Сверкают в сумраке резною позолотой,
И шелестят страницы-лепестки
Душистым шёпотом
Преданий Скотта.

1955

СВЕЧЕНИЕ МОРЯ

Песня

В серебристом и жёлтом полусвете
На ветру шелестят рыбачьи сети;
    Блещут все ячейки
    Тех сетей густых, —
    Световые змейки
    Несутся сквозь них...

Не проходит закат с волнами света,
И садится солнце медленно очень:
    На пороге ночи
    Ночи и не жди!
    На пороге ночи
    Ты ночи не жди.

Дорогое знакомое свеченье,
Негасимого моря излученье!
    На дороге к тайнам
    Ты нас не покидай;
    Заплутать не дай нам,
    Сияй нам! Сияй.

БЕЗДОМНЫЙ ДОМОВОЙ

Песня

Кораблям в холодном море
ломит кости белый пар.
А лунный свет иллюминаторы прошиб,
А первый иней белит мачты,
словно призрачный ма-
ляр,
И ревматичен шпангоутов скрип...

Говорят, на нашей шхуне объявился домовый —
Влюблённый в плавань, бездомный домовый!
Его заметил рулевой,
В чём поручился головой,
И не чужой, а своей головой!

Домовой

Заглянул к матросу в рубку,
Закурил на юте трубку
И журнал облизнул судовой
(Ах, бездомный домовый,
Корабельный домовый) —
И под завесой пропал дымовой...

...Перевернутый бочонок, —
на бочонке первый снег.
Куда-то влево уплывают острова...
Как с перевязанной щекою
истомлённый человек,
Луна ущербная в небе крива.

Кок заметил: "Если встретил домового ты, чудак,
То не разбалтывай про это никому!"
А рулевой про домового разболтал,
И это знак,
Что домовый не являлся ему!

Что не ходил к матросу в рубку,
Не курил на юте трубку,
Не мелькал в хитрой мгле за кормой...
Корабельный домовой,
Ах, подай нам голос твой!
Ау! Ау! Ай-ай-ай! Ой-ой-ой!

Загляни к матросу в рубку!
Закури на юте трубку!
    Рукавичкой махни меховой!..
Волны пенные кипят,
И шпангоуты скрипят,
    И у штурвала грустит рулевой...

1956

В ПРЕДРАССВЕТНОМ ТУМАНЕ

Песня

В предрассветном тумане
Чайка машет крылами,
Далеко проплывают
Корабли перед нами...

Я родился у моря,
На широком раздолье,
Всею моею душою
Свой порт полюбил.

Я родился у моря,
На широком раздолье,
Всею моею душою
Я свой порт полюбил.

Как помотришь с утёса —
Нет предела волшебней!
Парус клонится косо
На высокие гребни...

Я родился у моря
На широком раздолье,
Всею моею душою
Свой порт полюбил я;

Кораблей знаменитых
Прочитал я названья —
Тихо, как заклинанье,
Для себя повторил.

МОРСКАЯ ПОЭМА

1

Как тихо после боя!
Одно через другое
    Просвечивают звенья облаков...
И только — шум прибоя,
И море голубое
    Зализывает раны берегов.

Стремится вечный шорох
К затерянным в просторах,
    Далёким друг от друга островам:
Они видны неясно,
Подобные несвязным,
    В молчании затерянным словам.

Порой сойдутся сразу,
Порой — составят фразу
    Пустынные малютки-островки.
Но тут прервётся строчка:
Найдётся камень-точка,
    И снова — только всплески да кивки.

Среди атоллов дальних,
Среди камней зеркальных
    Прерывистых бурунов полоса...
И движутся далёкие
В лучистой поволоке,
    В сияющей истоме паруса.

Дельфинов гибкий танец,
Их спин слепящий глянец,
    Под берегом — засады из коряг...
Качаясь без заботы,
Баркасы и вельботы
    Томятся на постылых якорях.

Отчаянная чайка,
На всех морях хозяйка,
    Выхватывает рыбу из воды,
И чешуя сверкает,
И солнце извлекает
    Блеск радости из рыбкиной беды.

Беспамятный бродяга
Без паспорта и флага,
    Не знающий — туда или сюда,
И всюду и повсюду,
Как пьяный бьёт посуду,
    О скалы разбиваются суда,

Известный в целом свете
Морской разбойник — Ветер
    В других ещё пиратствует местах,
А здесь — он тихо дышит
И только чуть колышет
    Заштопанные сети на шестах...

2

Приливы и отливы,
Отливы и приливы
    Под каменной стеною маяка.
Старинная сторожка...
Старинная старушка,
    Задумчива, сидит у камелька.

И что-нибудь приносят,
И что-нибудь уносят
    Приливы и отливы каждый день;
Вращающимся бегом
По раковинам белым
    Проносится фиалковая тень;

Как ветер по сирени,
Как пальцы по свирели,
    Бежит по их прожилкам луч зари;
Их вкрадчивые краски
Всегда в какой-то пляске, —
    Как будто их щекочут изнутри!

Старушка из сторожки
Бросает чайкам крошки,
    Воспитывает кошку и дрозда,
Но есть у старой горе...
Она не любит море
    И к пристани не ходит никогда.

Отливы и приливы,
Приливы и отливы,
    Сторожки выжидательная дверь...
Ах! были так болтливы
Приливы и отливы,
    Так много обещали!.. А теперь —

Отлив уносит силы,
С приливом — зов могилы
    Ей слышится из пропасти морской...
Ей не подняться с кресел:
Ей снится русский крейсер,
    Потопленный враждебною рукой.

Невдалеке от суши
Лежит он тёмной тушей,
    Похожий на печального кита;
Его большая мачта
Отсвечивает мрачно
    Дробящимся видением креста.

Он весь во власти влаги!
И водорослей лагерь
    Беззвучно завладел его кормой:
Их призрачные стяги
С поникшими кистями
    Струю перебирают бахромой...

И траурные травы —
Черны, багровы, ржавы —
    Заштопывают раны по бокам.
И траурные травы...
И на штурвале — крабы,
    Подобные отрубленным рукам.

У скорбной этой глыбы
Базар снующей рыбы,
    Плутающей в подводных кружевах;
Иная — юрк в каюту,
Застынет на минуту —
    И уплывает, воду пожевав.

Приблизится другая,
Глазами не мигая,
    Но радужной мигая чешуёй,
Посмотрит, как на призрак,
На корпус, весь осклизлый,
    И мачты, искажённые струёй;

О мачту круглым боком
Потрётся ненароком —
    И тоже уплывёт, виляя, прочь...
И скроется... И вскоре
С небес на дно морское
    Сойдёт глубокомысленная ночь.

3

Приливы и отливы,
Отливы и приливы,
    Клубящиеся шумы из глубин...
Под глыбой меловою
С пробитой головою,
    Раскинув руки, спит старухин сын.

Глаза его не видят,
уста его не дышат,
Не слышат уши,
сердце не стучит.
Песок у изголовья
крестообразно вышит
Телами чуд,
мерцающих в ночи.

Луна атоллов дальних
Встаёт с колен хрустальных...
Старушке снится в комнате немой,
Как сын её родимый
(Живой и невредимый!)
Из рейса возвращается домой.

1956-57

ПЕСНЯ СВОБОДЫ

Из дальних стран пришёл бродяга нищий
И всё бродил по улицам Мадрида,
Но не просил ни крова он, ни пищи:
Он только пел, —

пел для тебя,
Старый Мадрид.

При первом слове той чудесной песни
Склонились девушки со всех балконов,
Весь город ожил, улицы воскресли:
Смеялся, плакал и вздыхал

Старый Мадрид.

— Где были вы, сеньор, все эти годы?
Где прятали ваш голос, ваши песни?
И неужели музыка Свободы
Всех песен вам дороже и милей?

— Я был в изгнание, под холодным солнцем,
Но не жалел, что полюбил Свободу:
Кому дано за Родину бороться,
Тот чаще всех
живёт в разлуке с ней.

И снова, снова трогал струны странник,
И трепетал жасмин в садах Мадрида...
Летели дни...

А патриот-изгнанник
Всё звонче пел —
пел для тебя,
Старый Мадрид!

Когда же враг в Испанию ворвался,
И чёрный дым затмил чело Мадрида,
Он как герой на улицах сражался —
И с честью пал. Пал за тебя,
Старый Мадрид.

КОРРИДА

Песня

И даровита,
И родовита,
И знаменита
Мексиканская коррида,
Когда сеньоры
В бою с быками
Свою погибель
За рога берут руками.

И скажешь, глянув
На бандерилью,
Что бандеролью
В этот край
Пришла Севилья.
Хотя коррида
По-мексикански
Скорей походит
На овсянку по-цыгански!

Толпа клубится —
Ни встать, ни сесть:
Сюда приходят
Поглазеть
Не то на вас,
Не то на нас,
Не то на трубки
Без табака.
А матадоры
И пикадоры
Споют вам песенку
Про белого бычка.

Нет, кто в Севилье
Не бывал —
Прямой корриды
Не знавал!
А тут воюют:
Не то рыдая,
Не то воруя...
Но вот Севилья
Даёт вам крылья!
Я сам из Кордовы,
А значит, не совру я!

И даровита,
И родовита,
И хороша у вас,
В провинции здесь,
Коррида,
Хоть тут гуляют,
Плеща плащами,
Не матадоры,
А... торговцы овощами!

И даже машут
Не столь плащами,
Сколь бабым фартуком
И прочими вещами:
Не то клеёнками,
Не то пелёнками...
Я сам из Кордовы,
А значит, я не лгу вам!

Нет, кто в Севилье
Не бывал ни разу,
Тот нипочём
Не уподобится
Алмазу!
Но вот Севилья
Даёт вам крылья!
Я сам из Кордовы,
А в Кордове не лгут ведь!

МИССУРИ

Песня

О, Миссури-Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

И пускай не обижаются на нас
Алабама, Каролина, Арканзас,
Если только про Миссури
Мы споём на этот раз.

О, Миссури-Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

Река Миссури — многоводная река,
Река Миссури — судоходная река,
От судов густа Миссури,
Как похлёбка бедняка.

Вверх и вниз по ней туда-сюда
Пасутся пароходов ревущие стада,
И за ними меркнет в дыме
Миссурийская вода.

О, Миссури-Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

Бизнесменам неизменно там везёт —
Нараспев они считают свой доход,
В лад ногами отбивая
Самбу, румбу и фокстрот.

А кому в Миссури нечего жевать, —
Право, нечего тому переживать:
Там жевательной резины —
Просто некуда девать!

О, Миссури-Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

И пускай не обижаются на нас
Алабама, Каролина, Арканзас,
Если только про Миссури
Спели мы на этот раз.

О, Миссури-Миссури!
Случай как-нибудь ещё найдём —
И не только про Миссури
Что-нибудь ещё споём!

О, Миссури!
О, Миссури, расчудесный штат!
Приезжайте в штат Миссури
Все, кто хочет быть богат!

1957 год

ПЯТЬ МИНУТ

Пародия на известную одноимённую песню

Эта песенка моя про пять минут.
Эту песенку мою пускай поют.
Пусть летит она по свету
(Если только песню эту
Не забудут... через пять минут)!

Пять минут (шалопут!)
Клялся в рот не брать хмельного,
Но прошло пять минут —
Я напился в стельку снова!
Ссора там, драка тут...
Прощевай, моя свобода!
Заварил в пять минут,
А расхлёбывай — два года!
Пять минут — дело в суд...
Это боязно немного,
Но туда мне и дорога!

Эта фабрика зовётся "Скорый труд":
Тут обуят (и разуют) в пять минут!
Хоть идёт на эти боты
Ровно пять минут работы,
Но их носишь... тоже пять минут!

Пять минут, пять минут
Были боты новой парой,
Но прошло пять минут —
Стали боты парой старой!
Пять минут... Пять минут...
Ну куда теперь их дену?
Если сухо — сойдут,
Если дождик — не надену!
Новый год — старый бот:
Покупайте — получите,
Не купайте — не мочите!

Скоро юноше экзамены сдавать.
На экзаменах ему несдобровать:
Ничего-то, кроме скуки,
Не найдя в большой науке,
Он учился только танцевать!

Пять минут, пять минут
Отдавал студент занятиям,
Но и те пять минут
Проклинал тройным проклятьем!
Дни летят, дни бегут...
Ах как сильно сердце бьётся!
Покидать институт
Даже, может быть, придётся...
Пять минут промелькнут,
А потом придёт минута
Вылетать из института!

Мы не очень постоянны и верны,
Пустяками иногда увлечены
И лишь только на минутку
Обращаемся к рассудку
Там, где годы, может быть, нужны.

Пять минут, пять минут
Он ей шепчет: "Дорогая!.."
Но прошло пять минут —
Рядом с ним уже другая!
Пять минут, баламут,
Он и ей в любви клянётся,
Но ещё пять минут —
И от этой отвернётся...
Новый год настает
И приветствует родимых
На скамье для подсудимых!

ВЫСЕЛЕНИЕ ИЗ ВСЕЛЕННОЙ

Поэма

До сих пор грохочут водопады,
Сотрясаясь от избытка сил,
В той стране, где правнук Гайаваты
Свой очаг навеки погасил.

Не синеют в сумерках вигвамы,
Старики не курят возле них,
Не скользят каноэ под ветвями
Средь осок и лилий водяных.

Смолк навеки скорбный ваванэйса
В чаще леса — кладбище листвы.
Облетели у вождя-индейца
Радужные перья с головы.

Сохнущие шкуры у порога
В солнечном ветру не шелестят.
Навсегда отчалила пирога
К берегам Понима, на закат.

Навсегда колчаны опустели,
Навсегда лесные короли
Боевые луки опустили —
В гордое преданье отошли.

Сквозь века, сквозь пламя поздней дружбы
Я назад их горестно зову:
— Почему вы бросили оружие?
Где вы скрылись, грозные? А-у!..

...Только ветер в травах пробегает,
Где, зарывшись в землю с головой,
Вечным сном забылся томагавок —
Лучших дней товарищ боевой.

О, какой же силы дуновенье
И какой же тяжести волна,
Как пушинку, сдуло поселенья?
Как соринку, смысла племена?

Не сюда ли дети кроткой веры
Принесли Спасителя завет?
Не сюда ль пришли миссионеры... —
Погасить прекрасный Новый Свет?

Ничего себе у них "молитва",
Коль сумели раз и навсегда
Срезать, как чудовищная бритва,
Целые народы без следа?!

Как же быть? Как прошлое поправить?
Детям леса сделанное зло —
Чем избыть?.. Сорву листок на память
Обо всём, что с ними стать могло...

...Томный Запад! Тающая тайна...
В диких почках скрытая судьба...
Шелест... Проливное щебетанье...
Водопадов дальняя пальба...

Холод сладкий, трепет вдохновенный
Чащ, ослепших в собственной тени...
А туземцы где же?! Из Вселенной
Прочь навеки изгнаны они.

Раса незаслуженного цвета —
Раса белых! Честь невелика!
Ведь твоя великая победа
Преступленьем впишется в века.

Дорог счёт за выветренный череп,
Сохнувший на солнце меж травы,
За корону из орлиных перьев,
Сорванную с гордой головы,

За печаль, догадку, сновиденье,
Где могло быть яви торжество,
Где лишь тот спасён от вырожденья,
Кто не знал рожденья самого!

Дорог счёт... Но всё ль он в старой силе?
Кто и с кем расплатится по нём?
Что же делать, если годы смыли
Кредитора вместе с должником?!

И тихонько отвечает ветер,
Пролетая в струйках снеговых:
— Кредитора, верно, нет на свете.
Но должник, по-моему, в живых.

Не на книжных сумеречных полках,
В полных чар Эмаровых томах, —
Он живёт в сомнительных потомках —
В ясных виллах, в барственных домах...

И ему ночами сладко спится,
Словно он ни в чём не виноват,
И ему не чудится, не снится
Страшный путь с востока на закат...

Пулями исклёванные "фрукты",
Терпкие пропойцы, игроки,
У которых бороды — как муфты,
Бакенбарды — как воротники, —

Где они? От волчьего наследства
Только шерсть отбросив навсегда,
Он давно оставил пору детства —
Ту, когда бывает борода!

Носит он тончайшие манишки,
Бреется едва не до кости,
Занимает все мирские вышки,
Ходит в церковь (Господи, прости!).

Там, в лучах лампы негасимой,
Он застыл в поклоне у колонн:
Не отцов ли грех непоправимый
В этот миг замаливает он?

Где уж там! Одно он помнит крепко,
И одна молитва у него:
"Боже! Дай мне в зле, достойном предка,
Переплюнуть предка моего!

Намалюй своё благословенье
На горбах моих броневиков —
И свершу я за одно мгновенье
Преступленье нескольких веков".

О, не поздно ль? Страны прозревают.
Поздно! Человечество следит.
Сам себя наш мир не прозревает,
Взлом земли земля предупредит.

Но при этом... Ищет новый разум,
Ищет в прошлом твой досадный след...
И восходит перед новым глазом
В новом свете тот же Новый Свет.

И, дивясь на старое злодейство,
Фермер останавливает плуг
Перед ветхим черепом индейца —
Перед чёрным делом белых рук...

...Пусть ушли, растаяли во мраке
Грозные лесные короли —
С их надгробий стёршиеся знаки
Мы в сердца свои перенесли.

1957-58

* * *

После бури в ночи не проплыть, не пройти,
Пароходы сбиваются нынче с пути.
Поперхнётся матрос, проморгав переход
Захлебнётся чужою волной пароход.

Пароходы вдали,
Вы куда забрели? —
Здесь чужая волна,
Здесь чужая страна.

Если все станут петь, а потом танцевать,
А меня позабудут на праздник позвать,
Я не стану проситься к чужому огню —
Хорошо иногда обойти западню!

Пароходы вдали,
Вы куда забрели? —
Здесь чужая волна,
Здесь чужая страна.

Если много стерпеть мне придётся обид,
Я не стану кому-то их ставить на вид,
Я не стану ни плакать, ни горько рыдать,
Только песню матросскую вспомню опять:

"Пароходы вдали, —
Вы куда забрели? —
Здесь чужая волна,
Здесь чужая страна!"

ПРИ ОТВЕТЕ

Из цикла "Новое о Насреддине"

Узнай, Земля и Океан,
И вся Вселенная впридачу:
Сегодня грозный шах Гиссан
Решает сложную задачу.

Сегодня в зал из янтаря
К нему, при пенье соловьином,
Ведут бродягу-бунтаря,
Который знался с Насреддином.

Бродяга. Но бунтарь ли он? —
Установить необходимо!
Бунтарь? Так, будет он казнён
За неимением Насреддина!

(А Насреддин, прошу учесть,
Довольно крупно провинился
Затем, что шаха произнесть
В певучих бейтах поленился.)

Ответ бродяги должен быть
Находчивым в своей подаче!
Да так, что за прямой — казнить
А за уклонивый — тем паче!

— Скажи, бедняк из бедняков:
Что знаешь ты о Насреддине?
— Что у него бока — с боков,
А голова — посередине.

— Толпа!
Уклончив ли ответ?
— Уклончив!
— Нет!
— Уклончив!
— Нет!

— Но ты с ним, верно, говорил
(И этим верность мне — нарушил)?
— Клянусь движением светил,
Я говорил, но он — не слушал.

— Толпа!
Уклончив ли ответ?
— Уклончив!
— Нет!
— Уклончив!
— Нет!

— Ты говорил с ним? Но о чём?
Рассказывай! Повелеваю!
— А говорил я с ним о том,
Что говорить с ним не желаю.

— Толпа!
Уклончив ли ответ?
— Уклончив!
— Нет!
— Уклончив!
— Нет!

"Как быть? — подумал грозный шах,
Допрос прохожего закончив, —
Нет прямоты в его словах,
Но разговор был неуклончив..."

Я ждал зыбучего, как сон,
Или железного ответа,
Но не подумал я, что он
Объединит и то, и это!"

— Ну что, бедняк? В конце концов
Не все властители жестоки.
И ценят Красное Слово
На очарованном Востоке!

И шах бродягу отпустил,
Благодаря его ответам,
Не разглядев, что это был...
Сам Насреддин по всем приметам!

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

Из цикла "Новое о Насреддине"

Судья Джаффар и Насреддин
Глядели вдаль, как пилигримы,
А Зульфия, жена судьи,
Меняла блюда перед ними.

И Насреддин сказал: "Сейчас
В расцвете споры и задачи...
Посмотрим — у кого из нас
Воображение богаче!

Люблю загадывать и я —
Такая у меня замашка...
Ну что вам кажется, друзья,
Когда вы видите барашка?"

"Что тут гадать! — сказал судья,
Сливая чай из разных чашек, —
Когда барашка вижу Я,
Мне представляется... барашек!"

"Алла! — вскричала Зульфия, —
Ай скудоумие какое!
Когда барашка вижу Я,
Мне представляется — жаркое!"

А Насреддин сказал: "Друзья,
Я к делу этот спор приближу:
Когда барашка вижу Я,
То я его... уже *не вижу!*"

ОБРАЗЫ БОЛЬШОГО ПРАКТИКА

Стихи и песенки из романа "Союз Действительных"

1.

...Я пробиралась в полумраке.
А мужички клубились в драке...
Трактир тонул в дыму и в звуках.
Лишь было видно вдалеке,
Как человек какой-то, в брюках,
Бил человека в пиджаке.

2.

Там, где все храпят вповалку;
Там, где хмель, табак да смог,
Весь трактир свалили с ног, —
Мудрено сыскать фиалку!
Но какой-то голосок
Пел ей: "Где ты, мой цветок?"

По какой примете-мете
Мы теперь тебя найдём?
По какой примете — ночью?
По какой примете — днём?
На чужой планете Нете
Или рядом, за углом?"

3.

Огонь в очаге оставив,
Вы заперли хижину вашу,
Но вновь отпирать не стали;
Вы просто залезли на крышу
И дым, из трубы идущий,
На руку намотали.

Затем, потянув хорошенько за дым,
Вдруг вырвали (зря не сболтну!)
Огонь из трубы, —
Как морковь из гряды
Выдёргивают
за ботву...

4.

Кто, кто так рано стучится в дверь,
Да так, что ложка звенит о стакан?!
Не может быть, чтобы только теперь
Скончался король Дункан!

...Где ты, сон мой, сон-обетование?!
Где ты, ветер, из крыла Призвания
Понапрасну перья не выщипывающий?
Где тот брег, что я ступнёй испытывала?
Где он — мыльный тот пузырь, насчитывающий
Миллионы лет существования?
(Он существовал, а я — насчитывала.)

5.

Итак,
наяву,
Среди белого дня
Пойду подсматрю:
Что делается
во сне у меня,
Когда я не сплю?

Но — образы ночи! —
При свете дневном
Мне вас не поймать,
А к ночи вы снова
Мне явитесь, но...
Солжёте опять!

6.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ

Кто там застрял (как художник с картиной
В тесных дверях деревенской гостиной)
Прямо у всех на виду?
Грубый, как пень, но вертлявый, как сводня,
Он превратиться желал бы сегодня
В среднее между цветком и скотиной, —
То есть, в морскую звезду.

Но превращается он понемножку
То ли в чурбан... то ли в жбан... то ли в брошку...
Устрица, вроде? Но в ней, неотчётливый,
Светит недопревращённый осёл...

Экий ведь неповоротливый
Оборотень пошёл!

7.

Боги древних!
Вы, что дремали в бурных
Мутных реках; мчали верхом на тучах;
Ты, о царь морей, и ты, величавый
Зевс Громовержец!
Мне ли ведать — где вы ныне укрылись?
Прежде — где таились? Не вас ищу я:
Слова я ищу для нового спора,
Вещие, с вами!

* * *

— Как ты можешь воспевать эвкалипты,
Никогда не повидав их глазами?

— Это клязьминских берёз манускрипты
Как сумели мне о них рассказали.

— Как ты можешь рассуждать про оливы,
Непричастная их шуму, их чуду?

— Я о них порасспросила у ивы —
Шелест листьев одинаков повсюду.

— Как ты смеешь, не бывав за пределом,
О Манилах толковать, о Гаване?!

— Я на лужицы гляжу между делом:
Рябь на лужах устремляется (в целом)

В ту же сторону, что зыбь
В океане.

1959

Глава четвёртая

ПУШКОВА

Стихи разных лет

СЛЕДЫ

Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы.
Над плоскодонною пропастью
Эхо — как пушечный дым.

Видно, прошёл тут и шёпотом
Песню пропел пилигрим;
Долго стреляющим хохотом
Горы смеялись над ним.

Тут не отделаться дёшево,
Как бы ни крался в обход:
На смех подымут прохожего
Чудища, каменный сброд!

Пусть, опасаясь предательства
Отзвуков, путник молчит;
Стук его палки в ругательства
Гулкая ночь обратит.

Вижу, как ночь приближается
Высохим руслом реки,
Но всё равно продолжается
Песня, словам вопреки.

...Где это море? — вы спросите, —
Где этот пляшущий риф?
Где — без морщинки, без проседи —
Юный зелёный залив?

Где эти заросли тесные
В лунной летучей пыльце?
Звери да птицы чудесные?
Люди с огнём на лице?

Гибкие пальцы упрямые?
Чаши, цепочки с резьбой?
Эхо! Не путай слова мои! —
Я говорю не с тобой!

Вижу, как ночь приближается
Высохим руслом реки,
Но всё равно продолжается
Песня, словам вопреки.

Но утешенье напрасное —
Только на эхо пенять:
В тёмное слово и в ясное
Спрятан порыв — не понять!

Слово потом разветвляется,
С ним же ветвится разлад...
Не оттого ль замедляется
Путь между каменных гряд?

Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы...
Над плоскодонною пропастью
Эхо — как пушечный дым.

В сумрак, исчерченный змеями,
Русло уходит, ветвясь...
В путь!
Между розными звеньями
Рвуть восстанавливать связь.

"ФЛЕЙТИСТ"

Сыграй мне, мой "Флейтист"! — картинка на стене.
Сказать по совести, ты намалёван плохо,
А всё же дальний край и давняя эпоха
Из глаз твоих глядят; почти кивают мне!
О, я их узнаю! И как тебе — овец,
Так мне — не надобно других рекомендаций.

Ты прост. И кружечке уступишь без борьбы.
Но так как твой напев сплетён из многих нитей,
То в нём — и рокот волн, и музыка судьбы,
Брюссельских кружев, слёз и пушечной пальбы,
Резьбы по дереву, больших морских открытий,

Событий...
На листе
Ты к северной стене
Прикреплен запросто, но ты
К великой тайне
Причастным кажешься мне перед сном!
Сыграй мне!
Дай голос тишине!

Пусть в ушах моих умолкнут крики дня...
Пусть лавочникам ночь манжеты кружевные
Привьёт, смеясь... Хочу у них сменять на сны я
Шум повседневности, обидный для меня!

Сыграй мне, мой "Флейтист", — картинка на стене!
День знойный, трудный был... Потешь ты хоть во сне
Прелестной песенкой, разученной неплохо!
Знарок заметил бы, что ты "аляповат".
Но дальняя страна и славная эпоха
Из глаз твоих глядят.

15, 18 ноября 1973 года (Сходня)

СОН В ДОРОЖЕ

Памяти А.Н.Радищева

Во сне я был царём. Высокие чертоги
Сияли вокруг меня убранством золотым.
Заранее в раю живут земные боги;
Я жил в раю земном. Я Богом был земным.

Но не архангелы вокруг меня летали,
Не серафимов там теснилася толпа:
Смирненные рабы моих велений ждали
(К задворкам оттеснив мятежного раба).

Я первого из них послал на подвиг бранный,
Второго — милостыню царскую творить,
Доверив третьему весь оком пространный
Державе мирно покорить.

Когда ж рабы мои, не выказав роптанья,
Считая пустяком тяжёлый дальный путь,
Пускались выполнять мои предначертанья,
Самодовольствие мне распирало грудь.

И вдруг... как будто снег пошёл в толпе придворных!
И страх закрался мне под сердце ледяной:
Прекрасна и страшна — в своих одеждах чёрных —
Внезапно Истина предстала предо мной.

"Ты слеп, — она рекла, — не видишь, где и кто ты!
Дай бельма отыму с обманурых очей!
Не на сирот и вдов пролил твои щедроты,
А на бесстыдный блуд их бросил Казначей!

Военачальник твой в жестокости бессвязной
Твоих же воинов крушит, а не врагов!
Твой Мореплаватель резвится в луже грязной:
В пороках плавает не дале двух шагов...

Ты видишь? — вот кольцо. Возьми его на память
О голосе моём. Внутри кольца шипы..."
И, жальщий металл на мой надвинув палец,
Пропадала в трещине раздавленной толпы.

И понял я, прозрев, — сколь жизнь моя презренна!
Кольцо же мой сустав сжимало, как змея...
И в мерзости греха, и в тине по колено,
И по уши в крови себя увидел я!

А рядом светска чернь, за недостатком лоску
Себя украсивши куриной скорлупой,
То — шляпкою вперёд — вгоняла гвозди в доску,
То в нечестивый скок пускалася толпой...

Я зрел, как, срезаны под корень беззаконьем,
Просители — в дверях судейских — шапки мнут,
Как пахарь за плужком поковылял по комьям,
Как по спине его прошёлся трижды кнут...

И Севера прозрев далёкое свеченье,
И старца в хижине, укрытой мхом седым,
Всех тронов и венцов я вспомнил назначенье
И, старца полюбив, склонился перед ним.

Но дале, — но туда неслось повествованье,
Откуда многие Отечества сыны,
Уж не воротятся, безвинно казнены...
Да полно! Царь ли я? Палач — вот мне названье!
Вор! Шелудивый пёс! Отродье сатаны!

Тогда, не в силах снесть огромность откровенья,
Проснулся... Вижу — ночь, ямщик да конь гнедой...
А слёзы по лицу — всё той же цепи звенья! —
Всё льются, всё бегут горячей чередой...

Забыл, однако ж, я (обманут грёзой сонной),
Что люди слабые, привычные царить,
Не ищут истины и не страшатся оной,
А истину и ложь стремятся примирить.

Я тот же самый сон увидеть мог иначе —
В картинках более житейских и простых:
Не всяк вельможа зол. Цари бывают зрячи.
Но Истина бежит чертогов золотых.

ЗВЕЗДА

Летний вечер тихо настаёт:
Верещат кузнечики в тиши,
Соловей за рощею поёт,
При луне чернеют камыши.

И, бросая тени в глубину,
Закрывают облака луну,
И моя вечерняя звезда
В облаках сверкает иногда.

Я люблю вечернюю звезду;
Я её всегда так долго жду!
Я к закату солнце тороплю —
До того я звёздочку люблю.

Пусть она грустна и далека,
Пусть её скрывают облака, —
Верю, знаю: свет её сейчас
Далеко уплыл, — но не угас.

И зимой, когда вокруг черно,
(Вьюга в поле, буря ли в лесах)
Где-то есть, я знаю, всё равно
Верный свет, как сторож на часах.

В дымке скрыта, в тучах не видна,
Неприметна и при свете дней, —
Всё равно я знаю: мне дана
Ясная звезда судьбы моей.

* * *

Кто в романтику жизни не верит,
Тот не верит (нелепая туша!)
В *океан*, на земле занимающий
Втрое более места, чем суша!

Но и логику тот ненавидит,
Кто, упёршись копытами в берег,
Смотрит в море, — а моря не видит,
Смотрит в небо, — а в небо не верит.

1976

АДАМ И ЕВА

— Нет! — сказала Ева, — Я упряма:
Я не выйду замуж за Адама!

— Но почему и отчего? —

Скажи мне, будь добра!

— Да он калека! — у него

Недостаёт ребра.

1976

ЗВЁЗДНЫЙ ЛИС

Ходят-бродят волны за далёким мысом,
Ходят сребро-бурым чёрным Лисом.
И летят и спят в открытом море гички,
И недостоверны с непривычки:

Разве достоверна эта ночь? Наверно.
Что прекрасно, то и достоверно.
Достоверно то, чего на свете мало,
А не всё, что под руку попало.

И поёт волна в ущельях дальним горном,
Сыплет с круч дождём нетерпеливым,
Гибким, беспокойным, серебристо-чёрным
Звёздным Лисом ластится к обрывам,

И опять сбегают с камня брызги вала, —
Вьюн мгновенный, — водяные плети...
Не понять конца и не понять начала
Смертному на свете.

Но земля, развив незрелую мятежность,
Выпытала тайны... Да не те ж ведь!
Небо! Истин вечных ей, должно быть, мало,
Раз невечных понаоткрывала!

На цветок зенита и цветок надира
Посягнули клещи, мухи, слизни...
Как бы их стряхнуть? Поверить в правду мира?
Вспомнить о божественности жизни?!

Вспомним блеск цветка:
Извечность и мгновенность,
Ворожбу его малейших нитей.
Вспомним человечность! (То есть, постепенность
На опасной лестнице открытий.)

Маг-завоеватель! Скороспелой злобой
Ты загадку Вечности пытаешь.
Но одну ступеньку упусти, попробуй, —
Остальные лбом пересчитаешь!

...Ходят-бродят волны за скалистым мысом
Серебристым Лисом, Звёздным Лисом...
И поёт прибой в каньонах звёздным горном,
Грозным и задорным.

Разве достоверна эта ночь? Уж ясно!
Потому что магам неподвластна.
Ни под испытанья, ни под "воспитанье"
Не подгонишь сказку Мирозданья.

Если же вертеть мы не позволим нами
Джиннам, дэвам, кобольдам, цунами
И не станем сами в чём-то их жрецами —
Чёрными сердцами;

Если нам Познанья золотые крохи
Головы не вскружат,
Дивный Звёздный Лис примчит на наши вздохи, —
Службу нам сослужит:

Снимет он осаду — с нас — химер печальных;
Станет нам уютней
Слушать, как волна звенит в ущельях дальних
То грозой, то лютней...

Он в меху своём загадку жизни прячет!
Он не даст открыть её до срока!
А когда пропляшет, прынет и ускачет, —
Больше нам не будет одиноко.

ОБРАЗЫ ЛЕТА

В эти часы предзакатные ясные
Я стихи сочинила о том, как тепла Океания,
Как потемнело — и розы ударили в красные
Барабаны благоухания.

...Два мужика пили пиво под воблу.
Девочка рыжую кошку пасла.
Сумерки сделались мягкими, словно
Ухо осла.

1959

Публикуется в редакции 1980-х годов

АКАЦИЯ

Кудрявая, как Меркурий,
Акация — лету вслед —
Склонилась под тёмной бурей, —
Осыпала жёлтый цвет.

Не крылышки на сандалиях
Гермеса — трепещут в далях,
Превозмогая зной:
Из самого из подножия
Ствола её — рвутся с дрожью
Две веточки — взмах кружевной.

Вот она, квинтэссенция
Лета в преддверьи прохлад!
Глядишь — и уже заусенцы
Не щиплет, глаза не болят...
Шахматное полотенце.
Синяя книга баллад.

Я сплю в середине года,
Угадывая сквозь сон
Всю грацию перехода
Сезона в другой сезон.

Мне снятся потоки светлые
И мельничное колесо,
И то, как волосы с ветром
Падают на лицо...

ПЕСНЯ О "ЛЕТУЧЕМ ГОЛЛАНДЦЕ"

В прибрежных лугах и полях,
В синеющих сумерках летних
Лежит деревушка — в последних
Слипающихся огнях.

Там дети отходят ко сну.
В то время, как бриг над пучиной
Летит, словно демон холстинный,
Крылом осекает волну...

Уже в деревушке темно.
Но, слабнувшим отблескам вторя,
В ней теплятся лужицы моря
(В залог, что вернётся оно).

А бриг повернулся — и вдруг
За шхуной рыбацкeй погнался...
И крен — трепет нового галса —
Его искажил, как недуг.

За свалкой, где дети играли,
Песок бело-розов, как днём,
Но лужицы серой эмали
Горят демонически в нём.

А бриг удержался едва —
Сейчас его снова подбросит...
А ветер все шумы относит,
Лишь странной команды слова

В отдельной звучат тишине...
Мрак ночи порывист и душен.
Уж буря валит из отдушин
И люков, невидимых мне...

Когда и откуда поднялся
Тот ветер? От корня волос?
От этого ль нового галса?
Нет! Судно не ветер принёс,

А самое судно — давно
Несло в себе ветер да бурю!
Недаром, лишь брови нахмурю —
И в море возникнет оно.

1981

НАЛИВАЯ ВОДУ В ПИОНЫ

Пионы пахнут молодым подсолнухом,
Ещё непрочной мякотью семян его.
Но белый запах лепестка румяного
Не кажется чужим или подсунутым
Пиону. Или зря к нему притянутым.

Пионы пахнут зрелым садом. Поздними
Об уходящем лете сожаленьями
И жалостью к весне земли, к заре весны.

Пионы пахнут неопределённо:
Так вдалеке едва слышна неясная,
Но стоящая вслушиванья, музыка.

Пионы пахнут преснотой подсолнухов.
Холодной глубиной июльской ночи
И первым зовом — тайным вздохом осени.

И кажутся расплывчатыми, чёрными,
И смутно так шумят проникновенные
Великие деревья поздней ночи
Душисто-поздним летом.

АВСТРАЛИЙСКИЕ ЛОШАДИ

Памяти Алана Маршалла

Я погружаюсь в Австралию.
 Старую.
 Пасторальную.
 Дальнюю.
 Периферийную.
 Событийную.

Я на минуту представила,
 Как велика Австралия,
 И голова закружилась моя усталая,
 И на подушку склонилась она, бессильная.

Лампа кивает огня своего жёлтым и алым венчиком.
 Лошадь в душистых потёмках гуляет с бубенчиком,
 Чуткая к топоту вольных коней вдалеке;
 Повсюду разносится
 Мчащих копыт их музыка многомильная...

Резко и странно (почти как в аду
 Грешники!) — в чаще кричат какаду;
 Скоро ли под напором ветров
 лепестки осыплются майские?
 Скоро ли отзвучат бубенцы кондамайнские?

Худо слышны через них табуны
 Коню, отдельно стреноженному,
 Неразберихою звуков ночных
 Встревоженному,
 Шелковистым ухом поводящему
 В сторону Неизвестности,
 По холмам титанической местности
 Мысленно мчащему...

Не отвлекайте-ка вы и меня,
Бубенцы, камертоны окрестности;
Не заболеть ли опять?!
Чтобы снова заснуть?
Чтобы проснуться в Австралии выздоровления?
Чтобы расслышать, забыв про болезнь,
В гривах коней разудало-эдемскую песнь,
Сбивчивую,
Неуловимую
Даже в миг уловления...

Что за притча?!
Смеялся ли кто надо мной?
Или только что сетовал?
Этот ветреный посвист волосяной —
Он и есть, и нет его,
Он и есть — и нет его!..

Хворала я, но без жалобы.
Жалоба мне только помешала бы
Сбежать, как с урока школьнику,
В слепоту лесов титанических,
Коиx корни — до магмы земной,
До плит тектонических...

Не вошла бы в Австралию
Славного
(Ах, такого ещё недавнего!)
Прошлого;
Не узнала бы
Я ни дымки холмов,
Ни галопа несущейся прелести, —
Навсегда, навсегда пресечённого
Стараниями учёного,
Который в галопе открыл нам позор отставания,
Удушие — в свежести зелени,
Оглушающий гром — в её шелесте
И в любом листе —
Матери-земли неузнавание.

* * *

...На богатство фантазии так обижаются,
Что "богатством" уже называть не решаются.
Не согласны признать за ней даже зажиточность,
А придумали хитрое слово "избыточность"!

Экий грех! На виду у Европы и Азии
(Словно — кто навязал неземное отцовство им)
Так открыто страдать от избытка фантазии,
И, при том, от избытка чужой!
Не от собственной!

Ноябрь 1992 года

* * *

Когда всё равно опаздываю
 И жить не могу быстрее,
 Беспечность бывает опасною,
 Как песня на Москестреме,
     Как смех над водоворотами,
     Подхваченный скал толпою,
     Где нет прибоья...
                                 Но то-то и
 Ужасно, что нет прибоья!

Высокий прыжками львиными,
 Прибой знаменит насскоком.
 Но гибель — ещё ль не унылее,
 Где к берегу волны — боком?!
     И ни пены нет,
                                 ни препоны нет!
 Но муторно, но отвратно
 Могущественно-неуклонное
 Раскручиванье обратно

Всех вод — от амфитеатра скал!
 Был час — мы и в рифах спасались.
 Кто ждал, чтобы — вдруг — патриаршеские
 Кораллы — и те отказались
 От нас?!

...Когда я опаздываю
 Быстрее, плутаю — острее,
 Растёт безмятежность,
                                 опасная,
 Как музыка на Мальстреме,

Куда верхоглядная камбала
Без тени — в глазу — интереса,
И та залетит, как сомнамбула,
Скатившаяся с навеса;
    Где — с грузом, с командой отъявленной,
    Огромный, в оснастке звонкой,
    Корабль — осою отравленной —
    Вращается над воронкой...

Лишь почта
                    в бутылке, отправленной
За мыс, —
                    уплывает сторонкой...

21-30 июля 1993 года

ПИНГВИАНА

Песня

Могу ли забыть я
Про то Общежитье,
Где происходили
Такие события,
Такие открытия?!

Где солнце текло к нам
В раскрытые окна
С высокой вершины
Такого высокого
Подъёмного крана!

Как часто (по мере
Ухода от двери)
Тогда мне казалось,
Что я оказалась —
Да нет, не в Ривьере! —
Что всюду — Гвиана...

А это, наверно,
Была не Гвиана;
А это, наверно,
Была Пингвиана —
Страна Пингвиана,
Земля Пингвиана
Среди океана.

Туда заплывают
Горячие льдины.
Там с чайками рядом
Гуляют пингвины
И скромно дивятся,
Что птицы свободы,
Которым доступны
И небо и воды,
Отнюдь не чинятся, —
Ничуть не ленятся
По пирсу слоняться,
Как мы, пешеходы.

В то время я новую
Песню искала.
(Но так получилось,
Что я не училась
Раскраске вокала
В театре "Ла Скала".)

А песня не слишком
Ко мне торопилась,
Но в каменной чаше
По капле копилась,
Дугою сбегая
С пещерного свода,
И я, как немая,
Стояла у входа...

А люди боялись,
Что я... озарю их!
А люди страшились,
Что я разорю их,
Что мне озаренье,
А им — разоренье!

И я упустила
Какую-то ноту...
И я потеряла
Её, как работу.
И я позабыла
Старинное рвенье,
Горящее рьяно!

А люди судьбу мне
Готовили злую...

Напомни, напомни
Мне песню былую,
О ты, Пингвиана!
Страна Пингвиана —
Среди океана.

ШТОЛЬЦ И ОБЛОМОВ

На месте площади соборной
И фабрик Штольца — хлам, зола...
"Обломовщина" плодотворней,
Оказывается, была!

Июнь 1995 года

ГОРШКИ

(Древность)

Где душевность, там и задушевность.
Где вчера — уж там позавчера...
Старина мне нравится! Но древность —
Не моей, знать, пасаки пчела.

С древностью мне неизвестны узы.
Страх берёт: о чём с ней говорить?!
Лишь горшки для варки кукурузы
С ней меня умеют примирить.

...Не дрожит, не вьётся воздух синий.
Разум спит. Без плюшек, без горшков —
Вяжется лишь с выжженной пустыней
Жаркое течение веков.

Но едва, среди других раскопок,
Выступят они передо мной —
Снова я увижу: белый хлопок,
Чёрные бобы, пунцовый зной...

Пламени угаснувшего вспышки
Древние горшки хранят в себе, —
Чёрные и алые, как фишки
В двух киклопов шашечной борьбе.

И уж нет вопроса: "Древность, где ты?" —
Есть роптанья, возгласы, шаги,
В кольцах пара — горы, как планеты,
Пашен восходящие круги...

Вот я руку вижу... Вот запястье...
Вот плечо... Пустив глаза пешком
Кверху (о, находчивое счастье!), —
Видю лик стряпухи над горшком.

Ценно и уже теперь не редко!
Взглядом, возвращающимся вниз,
Вижу, как в котле мешают веткой
Белоснежный изжелта маис...

Далеко ль до века золотого!
Как разбойники Али-Бабы
Из кувшинов выпрыгнуть готовы,
Так в горшках готовятся бобы

Древности, полопавшись от жара...
Чу! — щелчком фасолинка одна,
Выпрыгнув из бурного навара,
Заскочила в наши времена.

Здравствуй, древность!
Снова козни ткутся...
Закипает варварство в башках...
Камушки на дне ключей толкутся,
Как фасоль, бурлящая в горшках.

Но встаёт бескрасочной, усталой
Древность краж, захватов, свар, проблем...
Было место ей в горшках, пожалуй,
Но в башках селиться ей — зачем?

Кто-то сплющил сферы! Ойкумена
Теменем упёрлась в потолок.
Смена поколений? Нет. Подмена.
Изменение курса? Нет. Подлог.

От того ли, что ходьба по кругу
Честного развития лишена, —
Сколками скалы грозят друг другу
"Интеллектуалов" племена.

Ржание над выстраданным Словом,
Ругань — мезозойщине подстать.
Новый век сложился? Будешь "новым",
Если классики-то не читать!

К Заратустре шли? Пришли к горилле!
Ох, как трудно древность полюбить!
Все горшки, что с ней меня мирили,
Мне о камни хочется разбить!

Но... шучу! — не бью ни чаш, ни блюдец,
Ни горшков. Вот уцелей как раз,
Маленький чумазый миролюбец,
Древний спутник убиенных рас!

Гениально прост. Чуть-чуть печален.
И молчать мастак. И говорить.
Скромно хвастать пурпуром окалин
И, взбурлив, историю варить.

3,29 мая 1996 года

ПОД ЗАЩИТОЙ

Грусть! Это ты ворожила
Вкруг неодетых дубрав,
Терпкой приправой служила
Жизни на краешке прав.

Грусть! Это ты золотела
В сумерках дней молодых!
Только-вот выдать не смела
Счастья, сокрытого в них.

Так у черёмухи чёрной
(Зимней, а всё же не злой),
Есть потаённый, подкорный,
Сплошь зеленеющий слой.

Трудно соцветьям без счёта
Сразу на ветках зацвести,
Но задушевное что-то
В прутьях опущенных есть.

Грусть! Это ты дорожила
Музыкой, вкравшейся в речь!
(Больше б и некому было
Юную песню сберечь!)

Ты заметала овраги,
Ты стерегла — не за страх —
Снег на блестящих от влаги
Никнущих чёрных ветвах.

18-19 мая 1996 года

ДУШИСТЫЙ СВЕТ

Ветер запутывал звёзды в ветвях,
Ветви за звёзды — не мог зацепить:
Лишь разводили руками вязы без гнева.
Клён, точно фокусник, звёзды в рукав
Скрадывал... Чтобы, вздохнув, упустить
Звёзды опять
В небо.

С тихим хлопком (как воланы — о ветвь!)
Звёзды стремительно падают вверх,
Машет вершинами роща и снова их ловит,
Но — никакими порывами рук,
Ни мириадами лиственных дуг
Не остановит...

Белых ли, красных цветов табака
С ветром доносится издалека
Запах цветущий? Подобный
Свету, мерцающему впотьмах.
Смутно рассвет забелел на холмах.
Шелест подробный

Вдруг — в титанический шум перерос:
Белые нежные руки берёз
Роща, в слезах, заломила...
Ночи сухой с перелётным, цветным
Благоуханием — жаль! Не таким
Утро задумано было!

Масса листвы не всерьёз
Недоступные звёзды ловила,
А наказание за них потерпела
Всерьёз.

МОУЩЕСТВО СОЛОВЬЯ

На заре весны, весной зари
Вдруг примолкнет он... И ты замри!
    В горле, выложенном серебром,
    Спит таинственный алмазный гром.
Клюв откроет... Пой! Ещё! Ещё!
...Ну и маленькое ж это всё!
    Ну и серенькое! — не видать...
    Ну и мощное! — не совладать!

На заре весны, весной весны
Липы-ясени потрясены.
    Трель раскатистая заблестит —
    Всю черёмуху разбередит!
Лейся! Зарослями ниспадай,
Бей каскадами... Не пропадай,
    Гений воздуха! — чей дивный глас
    Ниже Господа, но выше нас.

2 сентября 1996 года

НА ОСТРОВЕ ПАСХИ

I

А по-моему, идолы острова Пасхи —
Это шахматы двух исполинов.
И один исполин подарил их другому,
Проигравшись и землю покинув.

А другой исполин,
Заскучав, перепрыгнул
В полпрыжка на другую планету
И топорных друзей своих каменноликих,
Как вчерашнюю — бросил — газету.

И стоят истуканы, и даже не помнят —
То ли куклы они, то ли пешки?
Только ветер гудит монотонно и свищет
Над игралищем, брошенным в спешке.

II

Да. Мне кажется, статуи острова Пасхи —
Это шахматы исполинов.
И какой-то народ эти шахматы (с лестниц)
Знай — пилил... И почти распилил их.

Нет! Разгадки добиться и мне не удастся!
Но дичайшие сказки — не сказки,
А древнейшая правда! — Готова поклясться
Истуканами острова Пасхи.

Поручусь: Иппокрена, и Пан, и Сирена
Достоверны, как сода и соя.
Чудеса не обходят меня, —
Ибо верю
(Не всему и не всем, но)
Во всё я.

Верю я — не в мошенников
(Даже самых душевненьких),
Не в силки,
Не в замки для железных ошейников,
А в Историю до Мезозоя
И в Поэзии чудо босое.

1 октября 1996 года

ПЕНАТЫ

Мне снились куклы. В платьицах, колеблемых
И розовых, как летняя зоря,
Они катались на коньках серебряных,
Студёной ночью, ночью декабря.

От царства снов (во многом бесталанного)
Испуганно-усталая чуток,
Я из окошка, помнится, чуланного
Уставилась на кукольный каток.

Серебряное там лилось по синему,
И розовое шло по серебру...
Не переслать ли в явь через посыльного,
Что куклы — к счастью, а коньки — к добру?

Глаза-сапфиры и носы-картошины.
Откуда столько рыцарских сердец
В глухой ночи? Я вглядывалась: кто ж они?!
Пенаты! — догадалась наконец.

Пенаты! (Не пираты, не пирании
Кошмаров!) Это образы людей,
Что в Господа уверовали ранее,
Чем сами это поняли... Ей-ей —

Пенаты! Сомневаться не приходится!
Встречаться с куклами в таких местах,
Как сон, — прекрасно! Образ Богородицы
Степенно проступает в их чертах!..

Пенаты? Значит, Христианство срощивай
С Язычеством? Не бойсь! — не повредит;
Пенаты — это души наших пращуров,
А душами — Господь руководит.

ВОЛШЕБНИЦА И ОСЁЛ

"Не спешите записывать в книгу острот,
Что не в каждой лягушке царевна живёт

Василиса;

Спор с царевной не всякому и по плечу...

А простую лягушку — пинай не хочу, —

Веселися!"

Напряжённо волшебницу слушал осёл.

И, чтоб к действию он эту байку не счёл

Руководством,

Та добавила: "Счастье несчастью сродни.

Так не смейся же ни над величием, ни

Над сиротством".

Ноябрь 1996 года

ЧЕСТЕРТОН

Просили его унывать,
Молили его унывать,
Но он стоял на своём
И не хотел унывать.

Золя ему в ухо жужжал,
Что мир отменно блудлив;
Толстой резину тянул
Почти на тот же мотив:

Что мир, конечно, хорош,
Но счастью в нём — не бывать...
А он — стоял на своём
И не хотел унывать!

Просили его унывать,
Молили его унывать.
"Отстаньте!" — он им отвечал
И не желал унывать.

Просил его царь Соломон,
Молил его скальд Оссиан,
Просили — валялись в ногах! —
И Фрейд, и весь его клан.

А там уж и Старость: "Пора
Позиции, — шепчет, — сдавать!"
Но он
Настоял на своём
И не захотел
Унывать.

4,6 ноября 1997 года

СВЯТОЧНАЯ ФАНТАЗИЯ

Пумперникель с Никербокером
Засиделися за покером.
Из окна у них видна была
Крыша противоположная:
Тополь, облетевший наголо,
Нёс ей снежное пирожное.

Пумперникель с Никербокером
Ели каперсы с картофелем.
В это время хлопья выткали
Крышу с дымовыми трубами,
Облицованными плитками,
Точно пряниками грубыми.

Пумперникель с Никербокером
Подрались, как шкипер с докером.
А в окне у них видна была
Та же крыша (в третьем действии),
Переписанная набело
Первой вьюгой Равноденствия.

Никербокер с Пумперникелем,
Баламуты превеликие,
Успокоились и начали
Мыть посуду после ужина.
(А за стёклами маячила
Кровля с лесенкой завьюженной.)

Пумперникель с Никербокером,
Добряки голубокие,
Чай допили — к синим сумеркам
Под рождественскою ёлкою.
...В окна другу машет с улицы
Никербокер треуголкою.

Никербокер с Пумперникелем,
Были выполнены грифелем.
Крыша — чуть была завьюжена:
На ней лесенка студёная
Серебрилась, как жемчужина,
В виде лестницы рождённая.

Пумперникель с Никербокером
Завтра встретятся за покером...

28 декабря 1997 года

ИЗДАЛЕКА

Лопух ещё не вырос,
Ещё не огрубел.
В берёзе — шум зелёный,
А ствол — как сахар, бел.
Перед красой такую
Парис бы оробел!

Фиалки глаз воловий
(Лиловой — глубиной —
Воловьего!) синееет
Из лунки травяной.
Лист бурый, прошлогодний
Летит передо мной.

Чего же здесь ищущу я —
На берегу крутом,
Теряясь то в зелёном,
То — в бело-золотом?
(Как много земляники
Здесь вырастет потом!)

На шёлковой лужайке
Я рву щавель и ем.
А птицы мне: "Он кислый!
Кинь! Кинь! Зачем? Зачем?"
Идёт весна. Не сладких,
Не праздничных проблем.

За блеском — изнуренье
Приносит мне она.
Вот если б не лишенья,
Да кабы не война...
Скорей бы наступили
Другие времена!

Холодными ветрами
Тенистый парк продут.
Подснежники под кручей
Так сдержанно цветут.
А времена другие?..
Придут! И — не придут.

Протянется рутина
На много лет вперёд:
Безудержна скотина
Черёмуху сожрёт,
И вырастет сатира,
А лирика замрёт.

Отпрянувшие страхи
Заступит новый страх.
Придут Воспоминанья,
Рассядутся на пнях...
И лучший день (вот глупый!)
Вздохнёт о худших днях.

Заботливые руки
Снесут посёлок наш.
Но мысль перенесётся
В развалины, в мираж,
Где тихо спит в бурьяне
Мой старый карандаш...

Февраль 1998 года

Глава пятая

СОНЕТЫ

ВЕТКА БУЗИНЫ

* * *

Не сам сонет растаял в блеске лунном,
А давняя сонетная пора:
Древесный сок извечно будет юным,
Хотя веков крепка на нём кора.

Застыла ода идилом чугунным,
Элегия уходит со двора...
И лишь сонет — ещё бежит по струнам,
Ещё дрожит на острие пера!

Он жил давно. Но это не причина
Вновь не ожить ему — для новых тем.
Его конец ещё не есть кончина.
(Смотря *кто* "кончил"! Как! Да и зачем...)

Шекспир — и тот не вычерпал сонета!
И ковш у родника оставил где-то...

1958-69

СНЕЖНЫЙ СВЕТ

Пятидесятые годы

*...Ибо дышит свет подспудный
Из-под хрупкости дорог.*

*Иван Киуру,
"Вечерний свет. Март", 1980 год*

Ночью снежной, ночью захолустной
Хорошо в провинции безлюдной.
Ни звезды! Но светлой, но не грустной
Кажется мне даль дороги трудной.

Не беда, что снег набился в боты.
Ветер хлопья свеивает с вётел
Отрешённых... Жизнь! Забудь заботы,
Ибо мир нас к ночи приохотил.

Снежный свет (свет фосфора и кварцев!)
Только тонким рощицам — опора.
То не рощицы! То — встречи Граций
С воздухом весны! Эол и Флора!..

Чу!.. Пустые летние качели
Жалостно скрипят среди метели...

5 января 1995 года

* * *

Глухой зимы коснеющий триумф.
Подобно кладам, реки на замке.
Вдали снегов извозчичий треух
Простёр крыла, как муха в молоке.

Сжимает стужа влагу в кулаке.
Прольёт ли её, пальцами тряхнув,
Весной далёкой? Ворон на суке
Молчит, ни слова, — точит серый клюв.

Внутри зимы, в пустых её сенях,
Я, ворон да извозчик на санях —
Три тени на серебряной стене.

Но от саней давно простыл и след,
А ворон так по-летнему одет,
Что — провалиться! — холодно и мне.

1970

ПОДСНЕЖНИК

*Был, словно не был он
И не был, словно был...*

"Летучий голландец", 1961 год

Цветок, на солнце разогретый,
Мне показался под ракитой
Перчаткой фей! (Читай, руки той,
Которой нет в перчатке этой!)

Он был не сам! Он был приметой,
Что под его (зато!) защитой
Сбежал, смеясь, король со свитой,
В его камзол переодетый...

Цветок — лишь внешность аромата,
Лишь плащ, прикрывший бегство Мавки,
Лишь дымка, далью красновата...
Сомнёшь — и шёлк в нём станет мягкой,

Пунцово-снежной, золотою,
Цветущей облачной водою!..

26 февраля 1989 года

ПЛАЙНА

Узор берёсты нем. А весь подход
К берёзе — в нём! Вот на её загровке
Склонённом — сел, как бабочка. А вот
Ушёл в кору, как в каменные сливки...

Сказала бы "рассказ". Но он вперёд
Не движется... Гравюра? Нет. Обрывки
Сюжетов недоконченных, в разбивке,
Схватил и кружит ствол-водоворот.

Дорисовать? Но где тот карандаш?
Дорассказать? Так замысел не наш!
Вдали — из-под земли, из небосвода —

Он рос — один... Во тьме... Как божество!
И неподвластна нам его свобода.
И непонятна — скованность его.

1980-е

ВЕЧЕР С БУЗИНОЙ

У ягод бузины не вкус, а кислый чад.
У лиственных глубин — лазоревость угара,
Как будто, истопив прохладами очаг
Июня, истопник закрыл заслонку рано!

В тех зверских кисточках — томатный зной коралла
И едкость перца есть! И — в сизых ободках
Тумана — все они краснеют, как в очках
Совиных (к сумеркам), — и огненно, и вяло.

Пресытись красками, слабеет летний день.
И детство, крадучись, опять приходит к нам.
Ну как же! Красота всегда вмещает пытку!

Ведь там, куда сейчас оглядываться лень,
Не только яркость; был на кой-то нужен нам
И жёлчный привкус "бус", наколотых на нитку!

18 мая 1995 года

В ПОЛНОШНЫЙ ШАС

Сонет на опыты над русским языком

"Молочник" был, а стал "молошник".
(Пустует — вот он и грубит!)
И торжествует "полуношник",
А "полуночник" позабыт.

И я приёмник выключую,
*Ш*тоб вышказаться напрямик:
"В полношный шас по молошаю
Не шастай, шокнутый штарик!"

Когда бы вся Периферия
Заговорила через Центр,
Кто не вскричал бы: "Вот Россия!"
Но и один людской процент

На том наречьи не гуторит,
Которому Столица вторит!

13 января 1995 года

ПОКАЖИСЬ!
или "Нечто" и "нешто"

Ну, дóжили! Включив беспечно
Себя в языковые дожди,
Пойми, арбитрашко, что "нечто"
И "нешто" — не одно и то же!

Как ты ни стой на безобразьи,
Как ни алкай переворота,
А "нечто" — это значит "что-то",
А "нешто" — это значит "разве"!

Бог весть кому актёр, художник
В испуге вторят, холодея:
"Тошь-в-тошь", "достатошно", "молошник"...

Кто ты, тиран, который нами
(В стране, свободной по идее)
Заочно вертишь, как рабами?!

Июль 1995 года

ЖОРА И "ЕЛЕНА"

К спору о "книжности"

В заречной свежести цветастых крыш антенны.
И в серебро-сизом том пространственном дымке
Рябин кирпичный жар. И — крошки-иппокрены —
Ключи под кручею вращаются в песке.

А свет слоится здесь, творя такие смены,
Что Жора, небольшой и плотный, в котелке,
На том Картофельном ботвистом островке
Глядится сосланным на остров св. Елены!

С ведром, с мотыгой, честь по чести. Но пока
Не много проку-то ему от островка:
Он матерится там — ну прямо, как пропащий!

(Услуги эха чтоб использовать в запас...)
И всё ж Елены он ценней во много раз:
"Елена" "книжная", а Жора — настоящий.

РОМАНТИКИ И РЕАЛИСТЫ

Ослиным стадом — и-го-го! —
Помчались, — топчут как попало
Всех Бронте, Диккенсов, Гюго —
Чтобы романтики не стало.

Но и у них, "реальных", есть
Мечтанье: плющ подвесить к дому,
Всех обольстить и всех обвести...
(Романтики — но по-другому!)

Так — правдолюбцам и лгунам —
Вся жизнь показывает нам,
Что реалистов не бывает!

И над пустейшей из химер
"Реалистический" Флобер,
Как Вертер, слёзы проливает...

1978-1993

*НЕ ФЕЛИКС ИЗ ПЕПЛА,
А – ФЕЛИКС ИЗ ПЕКЛА*

Подражание Саше Чёрному

Быть зефиром, розаном и цитрой
Хочет каждый нувориш паршивый
(В детстве — старый, в молодости — хитрый,
В зрелости — гунявый, в старости — блудливый).

Хочет быть луной! Реликвией!! Мощами!!!
Старые-то — в брак, — сам ляжет вместо старых.
(Лишь бы это всё происходило в барах
И не разлучало бы с вещами.)

Моцарта выводит он... в колбах и ретортах.
(Лишь бы настоящий не воскрес некстати!)
И снуёт — в терновой шляпе... в юбочке... в ботфортах...
Без порток... с моноклем... Но... — не перечь дитяте,

А не то воспрянет (вот и жри желе с ним!)
Феликсом из пепла! Пекла Феликсом Железным.

Январь 1990 года

СОНЕТ В ЗАЩИТУ ДЛИННЫХ СЛОВ

А мне по вкусу длинные слова!
Короткие — дойдут до слуха скоро,
Зато — произнесённые едва, —
Быстрее дадут отделаться от спора

Любому краснобаю. (Такова
Кипучая уклончивость напора
Банальностей!) Но медлит до упора,
Но метит зацепить за рукава

Бегущего софиста, если надо,
Реченье продолжительного склада
При помощи намеченных давно,

Скользить не позволяющих зарубок.
И мысль весомой, как почти поступок,
Становится, пока звучит оно.

9 марта 1997 года

ВАЗА
и рисунок на ней

...из глины! —
 Не из золота и бронзы! —
 Но вылепил
     и — сам! —
     такой
 разрисовал сосуд,
 Что наш, людской, —
     его судить
     уже не вправе суд,
 А суд богов ему давно
 Не страшен
 Грозный.

Иван Киуру,
 "Гончар", 1978 год

Дельфинов шлют из пенных рытвин воды,
 И носятся среди песчинок свисты,
 Когда по вазам водят хороводы
 Танцовщицы, флейтистки и флейтисты.

Как беззаботность юных лиц прелестна! —
 Хотя немножко лисьих и в хитринку.
 Но в буйстве танца хитрость неуместна,
 И он сметёт её, как шквал — соринку,

И растворит соринку ток воздушный,
 Поток воздушный — топот благодушный, —
 Лишь весело струится взгляд отрадный

Из глаз продолговатых, миловидных,
 Миндалевидных и недальновидных —
 Завешанных листвою виноградной.

ЛОТТОФАТИ

*О матросах, забытых в глухом океане,
О бездомных, о пленных,
О многих других...*

Шарль Бодлер

ЕСТЬ ГЕНИАЛЬНОСТЬ НОЧИ...

Есть гениальность ночи... Сокровенность
Несбыточного — властна в поздний час
Дойти до сердца каждого из нас.
Одни её хранят, как драгоценность,

Другие разбазаривают враз,
А третий... — впав на радостях в надменность,
Несёт её в дневную современность,
Как личной Посвящённости запас!

И говорит: "Не правда ль? — мы с тобою
Возвысились над грубою толпою?!"
Вот как, приятель?! Знай же: есть мосты,

Где всяк батрак пройдёт! Огласку тайны
Не позволяет людям воспитанье.
Но каждый видел то, что видел ты!

Декабрь 1994 и январь 1995 годов

ЧАРЛЬЗ ЧАПЛИН

*...Но кто же выслушает рваного такого,
Из грусти сделавшего свой авторитет?*

"Ключи от клуба", 1982 год

Смех Чаплина подвёл черту под клоунадой
Всех клоунов на всё дальнейшее. Ну что ж...
Где Маленький прошёл, там супермен — хоть падай,
Но, как съязвил бы шкет, — "фиг — бомжа превзойдёшь!". .

Придумать усики — другие, а не эти —
Попробуй кто-нибудь! Немыслим новый трюк;
Так не почешется уже никто на свете!
Никто — сползающих — так не подтянет брюк!

Достигнуть Чаплина? Но... разве из-под плётки?
Как подражать — людей затравленных походке,
Их не любя? (При том — не вызвав град камней!)?

Как вещь смонтировать, чтоб чистым — в святотатстве,
Чтоб честным быть — во лжи, несчастненьким — в богатстве,
Ну, словом, — гением в бездарности своей?!

1983 и ноябрь 1993 года

ЕСТЬ КОМИКИ С ДУШОЙ...

*Есть комики с душой.
Но, рассуждая строго,
Прямых учеников у Чаплина не много.*

"Ключи от клуба", 1982 год

Есть Райкин, есть Никулин... И ещё
Актёры есть находчивее многих.
И... вдруг заметишь ты, как горячо
Участвуют они душой в далёких

(И столь недавних!) "Новых временах"
Невозвратимой чаплинской эпохи,
Где у кофеен подбирает крохи
Бродяга Чарли в латаных штанах!

...Ты, мания величия, враждебна
Всему, что справедливо и волшебно.
Но люди Сердца поняли давно:

Ничто так не рифмуется открыто
С величием, как срочная защита
Отверженных! И в жизни, и в кино.

31 января 1995 года

ВЕЛИЧИЕ?

Величие мы часто видим в том,
Чтоб, ни греха не чуя, ни вины,
Напасть на безоружного — гуртом,
Впотьмах, из-за угла и со спины.

В кощунстве — там, где во скиту святом
Жил мученик. В грабительстве казны.
Величие мы в девках видим... В том,
В чём непотребство видеть бы должны.

Мы с виду — хоть куда! (Хотя не раз
Со стороны подошвы видел нас
Щенок бездомный, сын пинков и травль.)

Но в грозных сечах нам страшнее всех —
Бунт роз. Ягнячье право. Мёртвый лев.
И хиросимский маленький журавль.

1981-1994

СОНЕТЫ В ЗАЩИТУ МАРИАННЫ

*"О вкусах не спорят" и глотки зазря не дерут,
 А сразу дубину (не то кирпичину) берут.
 И спорщик при виде дубины (не то кирпичины)
 Действительно — больше не видит для споров причины.*

"Эпиграммы"

Сегодня сериалы в моде:
 Мы сразу к ним попали в тон.
 Тем человеку легче, вроде,
 Чем больше серий видит он.

Но раздражительный пижон
 Готов напасть — путём пародий —
 Уж и на Зрелища в народе,
 Который Хлебушка лишён.

"Ах! Марианна примитивна!" —
 Бунтуют снобы. Им противно.
 Что здесь без грязи обошлось.

А залепи в них неучтиво
 Сплошной похабщиной — небось
 В ней не увидят примитива!..

* * *

Перед дождём, упорным и унылым,
Перед ветвей обкраденных метаньем
Мир вдруг встаёт таким волшебно-милым,
Великим и таинственным созданием!

Снег в тучах светит. Блеск бежит по жилам
Цветов и трав с их пёстрым увяданием,
С их огненно-душистым оправданием
Похолодания медленным светилам.

Даль, солнце, звёзды, клёны — всё творенье
Колелется, как тихое горенье
Под золотым пушком, под свежим зноем.

И ночь в лесах встаёт... И рыщет где-то
Кабан — за первым жёлудем рассвета...
И видит раб себя во сне — героем.

* * *

В долгах мы. Как Сервантес! В виде шутки —
Кому он должен был — давай считать:
Жене-пройдохе. Дочери-малютке.
Гутьерресу, умеющему ждать.

Родителям. Дали-Мами — пирату.
Царя Гассана властной пятерне.
Казне. Святому Братству. Просто брату.
За хлеб и воду в долговой тюрьме.

За путаницу при налогосборе.
За свет в окошке. За корабль в море.
Ну а ему? За подвиги его?

За ту, в боях простреленную, руку?
За "Дон Кихота"? За добро и муку?
Ужель никто не должен ничего?

* * *

Ивану Киуру посвящается

Художник, незнакомый с поощреньем,
А знаешь ли? — в тени пожить не грех:
Не ослепляясь счастья опереньем,
Мир, как он есть, увидеть без помех.

Негромким смехом встретить грубый смех,
Злорадство — ледяным обдать презреньем...
Нас невеликость наша высшим зреньем
Снабдит. И высший нам суждён успех.

Как хорошо, с победою помешкав,
С насмешливым поклоном взять реванш!
Так Гулливер — игрушка бробдингнецев —
Мог разглядеть морщины великанш,

Чья красота считалась в Бробдингнеге
Вершиной безупречности и неги.

1962

ЛОТОФАГИ

И там, где Фракия свободно простиралась,
Ходить во фраке я могла б во время оно.
И если ткань платка в волнах не простиралась,
Я спрятала б его (при виде листригона)

В цилиндр! Трепещущей ответственности стержень,
Как шпагу, проглотив, ходила бы по струнке.
Так сильно то, что есть, и то, что было прежде,
Сковало мысль мою и давит на поступки.

Но там, где, лотосом питаюсь, лотофаги
Лакают сок его с отменным аппетитом,
Я попросила бы и мне отлить полфляги,
Дабы наклюкаться в собрании открытом,

Удостоверившись, что человек беспечным
Хоть раз, да может стать — на зло заботам вечным!

1959-1968

ПРЕТЪЯ КОРИНА

"Не пей отвар из неизвестных трав,
Страшись влиянье гениев усвоить:
Оно тебе не меньше будет стоить,
Чем три наследства — пасынку без прав".

Так я должна была себя настроить
В ребячестве ещё! Но не поняв,
Как толщу моря может шторм утроить,
Я не проверила мой батискаф.

С кем совещалась? Лишь с учителями
Души своей. Хотя они и сами
Не знали в жизни выходов простых.

И что приобрела на их примере?
Находки — о, поменьше, чем у них,
Но... их потерям — равные потери!

1990-е

МОСКОВСКИЕ ТАЙНЫ

I

МОСКВА-СОРТИРОВОЧНАЯ

Вы им не "спонсоры" и в смысле
Жилья! Какого же рожна
Классифицировать взялись вы
Людей, чья жизнь вам не нужна?

Тот — "жулик". У того (в Тарусе)
Есть бочка. (Чем тебе не дом?!)
Вы их скорей расквартируйте!
Рассортируете — потом!

Да и к чему сортировать,
Раз на пропавших от сивухи
И на упавших с голодухи
Вам одинаково плевать?!

Что в плутах вам? Что — в нищих детях?
Вы бросили и тех и этих.

1 октября 1997 года

II

ЗАБЫВЧИВЫЕ И ЗАБЫТЫЕ

Вы сортируете несчастных
Взамен того, чтобы — спасти!
Грехи свои — с позиций властных —
Стремясь бездомным приписать, —

Где вы проснётесь в грозен час?
О, сортировщики! Откуда
Бесчувственности, гнева, блуда
Столь устрашающий запас?!

Да. Есть и в нищенстве "сорта".
Да. Бедность ведает подмену.
Но те, что бились лбом о стену,
Покуда пресса, боль, тщета

И хлад и глад их не добили, —
Те — тоже притворялись? Или?..

1 октября 1997 года

III

СЕКРЕТЫ МОСКОВСКОГО ПОЛИШИНЕЛЯ

Не из порывистых вы; не из
Бросающихся — вскачь — спасать!
Остерегайтесь же (как ремиз
Ямщицкий об ноги) — бросать

Тень клеветы на бесприютных!
Они и так живут в тени,
И так наказаны они,
Чтоб цепь их бедствий поминутных,

Сокрыв, ещё и удлинить!
Зачем в притворстве их винить?
Увы! — оно и так бесспорно,

Когда, Отчизне став чужим,
Бедняк, погибший непритворно,
Лишь *притворяется* живым!

1 октября 1997 года

НОВОГОДНЕЕ

Как в королевстве Пирлипат*
Слипаются глаза от смолки
Волшебных снов, — так мысли к ёлке
Уж начинают прилипать,

И полночь бьёт... О, Новый Год!
Дай людям отдых безмятежный!
А кто на улицах живёт —
Дай валенки и дом ночлежный!

Сургуч оранжевый — письму,
Цветочным луковкам — горшок
(А злобным нелюдям — по рожам!).

Так пусть же будет хорошо
Всё то небольшое, чему
Ещё осталось быть хорошим!

1995

---

* Пирлипат — имя принцессы из сказки "Щелкунчик" Э.Т.А.Гофмана

ШЕКСПИРАДА

ЕЛИЗАВЕТА И ШЕКСПИР

Когда починут, грешный мир отринув,
Монархи, вознесённые судьбой,
Нам остаются кости властелинов —
Бездушный прах, такой же, как любой.

Покуда мир становится товаром
Других купцов, какие понаглей,
Благодаря — фактически! — фиглярам
Мы (если помним) — помним королей.

По милости бродячего актёра
О давнем веке столько разговора,
Что в тьме времён теперь светло, как днём!

Клянусь Шекспиром и Елизаветой:
Не он писал при королеве этой,
А королева правила — при нём.

"ПОЙДУ ЛЬ, ВЫЙДУ ЛЬ Я..."

От многоведа я узнала вдруг,
Что в мире всё так и должно быть — мелко!
И что Шекспир — подделка, ловкий трюк!
А почему не ты, а он — "подделка"?

Не отсылай к "источникам", отнюдь
Не самым чистым! Можешь не стараться:
Пойду ль я, выйду ль я в далёкий путь,
Чтобы вранья старинного набраться?

К чему искать мне этот вид добра
В глуши веков? За милей милю мерить? —
Когда я лжи, придуманной вчера,
Имею все возможности поверить.

Слыхав, как люди прямо с места врут,
За ложью вдаль пускаться — лишний труд!

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Куда мне плыть? Где карта и компас?
Кто маяком в моих скитаньях будет?
Должно быть, тот, кто сам плутал не раз
И новичка за промах — не осудит.

А там уже — ни мóрок и ни сглаз
Стремленья к цели в нас — да не остудит,
Ни скептик сам (который в пальцах крутит
Оправу, но не верует в алмаз!).

Так что ж он изучает, этот плут?
Природу не родившихся минут?
На кой ему над временем победа?

Ах! Если тот и есть — шекспировед,
Кто утверждает, что Шекспира нет,
То я не вижу здесь шекспироведа!

ЧУПЬЕ ПРОФАНА

*Никто не знает, где руда.
Но человек обыкновенный
Бывает зорче иногда,
Чем жрец познания надменный.*

"Обычное", 1993 год

Шепнули мне, что я никак
Быть не могу шекспироведом;
Уж если вязнуть в деле этом —
Так только с фактами в руках!

Какие факты? Полный мрак
Давно заткал за полкой полку.
И умный здесь не больше толку
Добьётся, чем любой дурак.

Далась же вам "интеллигентность"
И "компетентность", что опять
Придёт Шекспира отрицать!

"Некомпетентность" же гласит,
Что — жил, что — жив, что — не забыт...
Да здравствует "некомпетентность"!

"И ВДРУГ..."

*Мир, затаившись, ждёт:
Когда ж певец уйдёт?*

"Раздумие", 1969 год

Шекспиру в авторстве отказы и отказцы
Возникли не при нём. С певцами искони
Сей мир не сводит счёт, "не отходя от кассы",
Но, притаившись, ждёт — когда уйдут они?

Нетрудно угадать: поэт терпел немало
От зависти людской, от хитростей мирских.
Но даже и тогда, когда его не стало,
Не посягнул никто на выстраданный стих.

Не странно ли? Года текли, ползли, катились,
Затем сравнялся век, другой... ещё один... —
Никто и ничего. Как вдруг — прорыв плотин!
Враги Шекспира! Что ж так поздно вы хватились?

Ложь в срок, видать, не ложь? Но ложь через века —
Вещь неподсудная, ан бьёт — наверняка!

*ПАСТУХ,
или Свидетельство самоучки*

*Рядовой актёр вторгся в ту область, где
до него почти безраздельно господствовали
"университетские умы".*

*Михаил Морозов,
"Трудолюбие мистера Шекспира"*

Я остро сознаю, как случай мой ничтожен,
Как жребий мой с путём великих несравним!
Но опыт, каковой был над овцой возможен,
И над гирканским львом бывает исполним.

Овцой? Нет, — пастухом — среди глухих изложин
Я, в неучах, брела. Не зная ни школьных зим,
Ни ранца с грифелем. Но мне мечтался Рим!
Был Гёте, Байроном рассудок мой встревожен!

Я самоучкою вступила в мир наук.
Однако ж, критики меня ругали много
Не за невежество, а за... изыски слога!
Зачем же утверждать такую ересь вдруг,

Что, дескать, сам Шекспир не мог создать "Макбета",
Поскольку "неучён"? не пэр? не видел света?!

ЕСТО УНИВЕРСИТЕТЫ

Ещё вопрос (о, для чего, крамола,
Тебя опять навязывают миру?!):
Была ли вправду недоступна школа
Подростку солнцелобому — Шекспиру?

Коли отец — перчаточник, так что же?
Бывает, мастерство простолюдина
Прочней великолепия вельможи.
А если храм науки — не для сына, —

Что гению — не школа, не ученье?
Ночное чтение. Бедность. Миг богатства.
Своё ль раденье... Чьё-то ль меценатство...
Но ты, — извечный сеятель сомненья,

Всё лучшее преследующий злобно, —
Не знай того, чего не знать — удобно!

ВОЛН ПО, В ЧЁМ Я УВЕРЕНА!

Хотя до Лондона-то с низких
Лужаек — не рукой подать,
Неужто летописи (в списках)
Нельзя и Стратфорде читать?!

Здесь быт засаленный и чёрный.
Но есть и тут (поверь, чудак!)
Мечты чертог высокогорный —
Набитый книгами чердак!

До завтра, плуг и сковородка!
Мне — к звёздам!.. А итог таков,
Что восхождение самородка
Не обошлось без чердаков.

Недаром вижу в их лице я
Прообраз школы и Лицея!

ТУМН ЧЕРДАКАМ

Мир черенков (и черепков
Ползущей с крова черепицы) —
Чердак! Чертог луны-царицы,
Пристанище былых веков!

Здесь мысль плохих учеников,
И та — парит, подобно птице...
Рывков незримых очевидцы, —
О, чердаки! Всех бедняков

Дворцы! Под кровельным теплом
Вийона зреет здесь диплом...
Здесь оперяются поэты

В большой полёт... Здесь глобус (весь
В лучах!)... Здесь книги, свитки... Здесь
Шекспира университеты!

* * *

По вычислениям смутно-рьяным
Драконов и драконо-версий
Он уличён был в буйстве пьяном
И заподозрен в браконьерстве.

Но, не палив по молочаю,
Не брав хмельного и под ноздри, —
Художник вечно "уличаем"
И постоянно заподозрен.

А даже если буйство было?
Что ж, значит, не было ехидства!
Где очевидна крайность пыла —
Исключено иезуитство.

Не говори ты с богоравным
О поведенье благонравном!

ПРЕДМЕТЫ ВОЗМОЖНЫХ "БУЙСТВ"

Судебные архивы свидетельствуют, что в Лондоне и Стратфорде он вёл судебные тяжбы... с должниками, был причастен к довольно крупным финансовым операциям, ...скупал земли в окрестностях Стратфорда.

Роман Белоусов,
"Смуглая дама сбрасывает вуаль"

Мать Шекспира Мари Арден происходила из семьи, принадлежавшей, возможно, к захудалой ветви дворянского рода.

Михаил Морозов,
"Трудолюбие мистера Шекспира"

История! Прошу! Вообрази поэта,
Которому нельзя скитаться по лесам,
Поскольку недруги "пришьют" ему за это
Словечко "браконьер"! Тогда, когда он сам —

Олень всех травль земных! Представь себе косулю,
Убитую не им, но под него! (Скажи:
Ну как не приписать разбоя мысль косую
Тому, кто складывает стих в лесной глуши?!)

"Проклятье! — он вскричал в негодование крайнем, —
Коли проходу нет, куда я ни ступлю, —
Я земли, у меня захваченные сквайром,
Судом — назад верну! А нет — так откуплю!

Я имя бедное моё в веках прославлю, —
Но свергну клевету и обезврежу травлю!"

---

* Лишь по завершении этого сонета заглянула я в один комментарий и впервые узнала, как горячо и вправду принимал Шекспир к сердцу элементы малоизвестного лесного конфликта! Оказывается, он писал по этому поводу сатиры в стихах и в лесу прикреплял их к стволам! Если не о стволах, то о стихах этих я тоже догадывалась. (Автор).

*В ЛОНДОН!
или Могло ли быть иначе?*

*...И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар.*

Михаил Лермонтов

Должно быть, раздували жар подспудный,
Силками обставляли перепутья
И дар многолучистый, гений чудный
Дразнили, как зверёнка через прутья.

На стих Певца, лишь Господу подсудный,
Текли с дубьём, алкая кривосудья...
Но, полный сил, как Стратфорд изумрудный,
Всё ж не отрёкся он от многолюдыя.

Добившись гнева, "сдач" и всех эффектов
(Шекспировских!) прохвосты с болью мнимой
Неслись будить шерифов и префектов...
И... — вот вам человек, толпой гонимый,

А всё-таки из тех краёв бегущий,
Где толпы реже, — в край, где толпы... гуще!

НЕ СТРАШИВАЙ...

*Далее след его теряется...
он снова заявляет о себе...
затем снова исчезает...*

Джон Уайтхед

Не спрашивай — куда (в столетнем цикле)
Пропал поэт на долгих лет сцепленье.
(Другие вон и вовсе не возникли,
И то не вызывает удивленья!)

Где пропадал? Да где ж, как не в "Перикле",
Не в "Лире"! Не в, несущем исцеленье,
Пути, где громоздились впечатленья,
Где сны сопровождать его привыкли?

И вообще — ищите настоящих
Преступников. Придерживайтесь правил:
Взимайте за пропажу не с пропащих,
А — лучше — с тех, кто их пропасть заставил.

Во всём, что называется "пропажа",
Взыскайте с плута, а не с саквояжа!

*ТЁМНАЯ ЛИЧНОСТЬ,
или Непонятное раздражение*

Земля опасной болью пронзена:
Взыщи с того, кто создал эту боль!
Но, как Бирнамский лес на Данзинан,
Мы... на Шекспира двинулись толпой!

Вот в ком загвоздка! Вот на ком вина
За наш провал! За то, что мы в запой
Шли, как в забой! Что шли не той тропой,
Не те провозглашали имена!..

А он — то "пропадёт на много лет"
(В тех злостных путешествиях как раз,
В которых от историков отказ
Уж получал!), то вынырнет на свет,

И что за личность (если не считать,
Что он Шекспир) — никак не разобрать...

ЗАПЯСЬ НА СВОЁ

Как странно, если вдруг фактурой хрупкой
Становится отлитый в бронзах мир!
Мне кажется, что Феникса с голубкой
Воспел... не обязательно Шекспир!

Но в перечни его стихов орловых
Была "Голубка" кем-то внесена,
И путаницу же в умах воловых —
Шекспиродумов — вызвала она!

Шекспиродумы вызвали Поэта
На детский коврик: "Ну-с, любезный наш,
Бери "Голубку"! А другим за это
"Макбета", "Лира", "Гамлета" отдашь!"

(Загинет либо станет жертвой склоки —
Кто посягнёт на собственные строки!)

*БОЛЬШОЙ ФИЛОСОФ,
ИЛИ... ФЕНИКС-МНОГОСТРАНОЧНИК?*

Сонет, сочинённый не без подозрения,
что новооткрытые признания Бэкона кем-то подделаны

Интригою гонимый и во мгле
Скрываться должный от взысканий строгих,
Ручался Бэкон, что — тайком — за многих
Строчил. И за Шекспира в том числе.

Но ни в какие числа (тоже, скажет!)
Шекспир не влазит. Это всё равно,
Что в списки шпилек, пуговиц и пряжек
Вписать планету! Как ещё одно

Изделье рук! Тут Бэкону пришлось бы
За Б. и А. слагать поэмы-просьбы,
За Г. и В. — ещё штук по ста пьес:

Знай гибни в них! А с "Лиром", а с "Макбетом" —
Опять родись! Особенным поэтом!
Так разрываться — что за интерес?!

ЧЕЛОВЕК НЕ ОБОРОТЕНЬ

К слову о разнописаниях Фрэнсиса Бэкона

Когда б он был не Фрэнсис от рожденья,
А Феникс — несгораемая птица,
Что в пламени пропав, как наважденье,
Опять из пепла своего родится,

Сим чудесам тройное подтверженье
Дала бы я! И клятву очевидца!
Тем более, что роцца Возрожденья
Как раз такими птицами гордится.

В блистанье ренессансного рассвета
Их превращенья дивные нередки:
Художник превращается в поэта,
Поэт — в бойца... И вновь свистит на ветке...

Но разве мог христианин единый
Быть... то бревном, то пламенем, то льдиной?!

*ИСТОРИК-РАСПОРЯДИТЕЛЬ
(или — "Комедия ошибок")*

Историк — Бэкону: "Хватай же, Фредди, ну!
Тебе всё авторство Шекспира подвернулось!"
А Фредди посягал, боюсь... — лишь на одну
Из пьес. Которая давно к нему вернулась,

Которую никто, никто уже теперь
Не помнит! (Даром, что Шекспиру сдав в "аренду"
Любую драму, фарс, комедию ль, — поверь,
Тем самым ты её уже вписал в легенду,

К бессмертью приобщил!..) Что — Бэкон? Бэкон — сам
Чужого не возьмёт! (Хотя — душой неровной
Подобен Англии причудливым холмам!)
Иной же (будущий историк безусловный!)

Чем чаще подписи Шекспира брал взаймы,
Тем громче восклицал: "Шекспир — это мы!"

МНОГОСТАНОЧНИК

Сэр Бэкон! Говорю тебе, как другу:
Данайцев бойся! Лести их взрывной!
Знай: скверную окажет нам услугу —
Кто на Шекспира двинет нас войной!

Но ежели ты сам, надев кольчугу,
Заспорил с ним (при том — не об одной
Забывтой вещи); если — чрез натугу —
Сам затвердил, заладил, как больной,

Что ты строчил за многих смертных кряду
(Взаимоисключающих по взгляду
И дарованью), — что ж, могу сказать:

Прямой многостаночник Возрожденья!
Но странно, что твои произведенья
И тем и этим можно приписать!

НО ЕСЛИ ВРУТ — НЕСКЛАДНО...

*...в памфлете драматурга Роберта Грина...
тот резко нападает на актёра "высочку" и
"простолюдина", осмелившегося соперни-
чать... с изысканными умами.*

*Александр Аникст,
"Вильям Шекспир"*

Когда б — "Шекспир, Шекспир, Шекспир", — и вдруг
Взревели: "Бэкон!" — как среди белá дня
Раскат грозы, рассчитанно-балладный
И новичка берущий на испуг, —

Тут я ещё поверила бы (ладно!),
Что все цветы шекспировских заслуг
Взросли на шляпе Бэкона. Вокруг
Всемирно врут! Но... если врут нескладно,

Но если сноб и прежде был готов
Все вещи "смерда" враз отдать вельможе
И об "открытьях" наших дней, похоже,
Знал наперёд за несколько веков, —

Позвольте, господа, вам не позволить
Шекспира из истории уволить!

ЖРЕЧЕСКИЙ ПОДХОД

Гилберту Слейтеру двух соавторов показалось маловато и в 1931 году он опубликовал книгу "Семь Шекспиров"...

*Роман Белоусов,
"Смуглая дама сбрасывает вуаль"*

В общем, "истинных" Шекспиров оказалось около шестидесяти.

Там же

Вот за Шекспира — так, по-вашему, артель
Строчила целая? Выходит, лучше слёг бы,
Чем справился один? А Бэкон? Сверх-Орфей?
И он-то уж — один за всех трудиться мог бы?

Один бы "мог", другой — "не мог бы"? Канитель
Какая-то! Одним (немилым!) — ваши догмы
Да цепи... А другим — шелками сверхудобный
Путь выстилаете в столетиях! Ужель

Шекспиру не дадут и одного сужденья
Однажды высказать без помощи коллег
(В количестве шести десятков человек)?
А Фрэнку (одному!) — всю ношу Возрождения?

Не глупо ль (да ещё на уровне веков!)
Всех на Юпитеров делить и на быков?

"БЫКИ" И "ЮЛИТЕРЫ"

Основным аргументом этих догадок служила и служит барски-пренебрежительная мысль, что сын ремесленника, получивший недостаточное образование и служивший актёром в театре, не мог создать столь великолепных произведений.

*Ю. Ф. Шведов,
"Вильям Шекспир"*

— Но где же всё-таки сын мастера перчаток,
Где недоучка мог познаний накопить?
— Что ж! Если нужен вам познаний недостаток,
То у Шекспира он имеет место быть.

Кто был в латыни слаб? Кто век знай путал с веком?
А принца-регента — с монархом? Видит Бог,
К такому хаосу маяк Науки Бэкон
Никоим образом причастен быть не мог!

Так как же нам теперь свои достроить штучки?
Как нам шекспировского авторства алмаз
Другому передать?! Однако с тем как раз,
Чтоб уж — без ляпсусов титана-недоучки?

На солнце пятна. Хвать! Дай — пятна совлеку,
Чтоб солнце знатным сдать, а пятна — мужику!

"ОДИН ЗА ВСЕХ",
или "Все за одного"?

Пример ничтожен мой, но есть и в нём загвоздка...
Едва я выбилась на поприще Пера,
Зоилы и жрецы постановили жёстко,
Что пишет за меня стишки... моя сестра!

А за сестру — отец. Кто ж за отца-то? Мать.
А за неё, кажись, внучатый отчим тёти...
Гром разрази совсем! Ужель, в конечном счёте,
Сам за себя — никто не в силах сочинять?!

Свет зол на Авторство. Шекспиру самому,
Глядишь, то Бэкона, то Ратленда назначат,
Как второгоднику! Подтягивайся, значит,
До знатных лиц, мужлан!.. И верит всяк — чему

Угодно! Лишь в один не веря факт упрямый:
Что *сам* Шекспир писал шекспировские драмы!

СКАЖИ!..

"А был ли Вилли?" — спросит Фифа.
А ты, зоил, скажи: "Бывает".
То ёсть, то нет. Тяжёл для Мифа,
Но, словно Англия, всплывает

Он для Истории. "Вы рады?"
Скажи, что нас берут завидки.
Скажи, что умер для награды,
Но хочется, чтоб жил — для пытки!

Что (зря подсунув нам портрет свой)
Существовал Шекспир — едва ли.
Но хочется, чтоб непотребства
Его перу принадлежали!

Он есть! Но только в ту минуту,
Когда понадобится плуту.

"ВТОРЫЕ РОЛИ" ШЕКСПИРА

Преданьям ветреным я говорю: "Да ладно!"
Мне всё не верится, что от заглавной роли
Отказывался он вполне по доброй воле
Или... по слабости актёрского таланта!

Своими выгодами жертвуя для цеха,
Он жил в тени своих товарищей. (Бывает,
Роль для себя актёр наотмашь выбивает.)
А он — не для себя — для них желал успеха.

Но быть могло и так, что пайщики условие
Поставили ему: "Сравняем интересы;
Любую роль бери на доброе здоровье,
Но... тут уж не твои пойдут в театре пьесы!"

Короче говоря, нам помнить не мешает,
Что человек не сам судьбу свою решает.

* * *

Нет, не затем он выбрал роль короче,
Чтоб нас привести к догадкам неучтивым,
А чтоб — не быть в ролях с утра до нóчи
И — поспевать в работе с "коллективом".

Вон Бербедрж — на рапирах не обучен —
Замешкался!.. На грех — освищут люди!
Скорей послать подсказку: "Гамлет тучен"...
О! Дайте эту реплику Гертруде!

Как? Гамлет... "тучен"? В детстве, как в задачник,
В отрывок сей заглядывая странный,
"Просчёт!" — я заключила поневоле.

Но то был след работы непрестанной,
Надсадной! Той, в которой сам "башмачник
Без башмаков", а сам Шекспир — без роли!

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ

Не думая о тех актёрских сходках,
Где — в грозах — шло ролей распределенье,
То, что остался он в ролях не ходких,
Воспринимаем мы — без изумленья.

Все, сколько есть, мы кесарских кровей ведь!
И что нам до какого-то Шекспира,
Когда и встарь мир не спешил проверить —
Каков он в роли Гамлета и Лира?

Кто станет любопытствовать: актёр ли
Сей человек, — когда, — и как поэта
Великого, — его едва не стёрли
Из памяти забывчивого света?!

Сэр! Не родитесь вновь. Случиться может:
Вам и сегодня роли не предложат.

ДУХ-ЛОСТЯНОВЩИК

Тень Короля играл Шекспир на сцене.
Мала ли роль, что грозно так весома?
Светло ли ему было в роли Тени?
Тепло ли в неприкаянных, как дома?

Не так уж плохо, если близко к теме!
Певцу, как духу (чу! раскаты грома!),
По собственному опыту знакома
Роль изгнанных из жизни, лишних в деле.

Зачем не взял другую роль? Когда же?
Всей пьесы на себе он тащит бремя:
Подсказывает, правит, вяжет звенья...
Другую роль?! Штурвальному на страже

Движенья судна — трудно (в то же время!)
Играть на арфе и варить варенье!

АКТЁР ШЕКСПИР

Неистовая речь коснётся слуха —
И от оваций зал театра треснет!
Актёр Шекспир — в недолгой роли духа —
Как дух, возникнет и, как дух, исчезнет.

Чтоб из уккрытья править оговорки
В игре других... И в том и в этом ярок,
Себя — актёра — он потопит в Орке,
Дабы — в поэтах — выйти без помарок.

Он не попустит, чтобы стих корнали!
Он втянут в тень и чуть ни в должность грума,
Но он не стерпит, чтоб ролей не знали,
Затею в целом портили угрюмо!

И, всё же, тот, кто в бардах — выше Сидни, —
Не мог не быть большим актёром, злыдни!

О ЛЮДЯХ ТЕНЬМАЛЬНЫХ

Плохим сюжетником, творцом плохих мелодий
Великий лицедей Чарльз Чаплин быть не смог бы.
И Диккенс, романист от Бога (догма, смолкни!),
Актёрской славою себя покрыл в народе.

Поэт! Сдаётся мне давно, что и актёр Вы
Сильнейший! Но и в той и в новой свистопляске
Врагов у Вас, гляжу, у самого-то — прорвы,
Так как же им не быть (совсем) у Вашей маски?

Не будь борьба за жизнь тем морем бесприливным,
Где беспрерывен спад, где сплошь — одни отливы,
Сэр! Вы остались бы не только скальдом дивным,
Но и в потомственном актёрстве были б живы.

О! Надели Вас жизнь чуть бóльшими правами,
Воскрес бы... сам Король, чей призрак сыгран Вами!

НО... ТАК ЛИ МАЛА ЭТА РОЛЬ?

Человек, подлец, ко всему привыкает.

Фёдор Достоевский

"Я потерял в один и тот же час
И жизнь, и королеву, и венец!"
Сказать одну такую фразу враз
Уже огромно! Изнутри колец

Космических восходит эта Роль,
Могущественней делаясь втройне,
Когда прошепчет призрачный Король:
"Прощай, прощай и помни обо мне!"

Кто ж помнит голос чести? Дружит с ним?
Кто совести гражданской слышит зов?
Как видно, слух наш — не для голосов,
Раз мы считаем страшное — смешным!

Раз мы согласны, чтобы мир забыл
О призраках, встающих из могил!

ВЕЛИКАЯ РОЛЬ

Он поступил актёром в театр, но на этом поприще вряд ли достиг многого. Роу сообщает, что лучшей ролью Шекспира была тень отца Гамлета.

*Михаил Морозов,
"Трудолюбие мистера Шекспира"*

Шекспир, должно быть, ростом был высок,
А, следственно, ещё и потому
Роль духа-венценосца (видит Бог!)
Не мог передоверить никому.

Роль Призрака такому-то отдать?
Но статью царственной он обделён.
А у другого — царственная статья,
Но Призрака сыграть не в силах он.

Один Шекспир, глядишь, незаменим —
Сей двуединой роли патриарх;
Один (за всех), как дух ночей, гоним
И оскорблён, как свергнутый монарх.

Побойся молний вокруг его чела!
И не скажи, что эта роль — мала.

Ни в коей мере не Михаил Морозов и даже не Роу подвергают сомнению талант Шекспира-актёра. Они лишь поневоле повторяют предание, которое нельзя проверить. (Автор)

ВЕЛИКИЙ АКТЁР – ШЕКСПИР

Все роли — на подбор! Востры. Звучат не глухо.
Ни зритель, ни актёр их не толкуют ложно.
Но слишком велика роль Неземного Духа!
Другим её навряд передоверить можно.

Кому, как не ему, она тиранит память?
Кто так же здесь высок и лёгок и осанист,
Чтоб выступить из тьмы, едва стопой касаясь
Подмостков, — а затем, как музыка, растаять?!

Кто снёс так много зла, поборов, слов излыжных,
Чтоб, — голос-колокол себе отлив на сцене, —
Вскричать: "Я был убит!"?! Кто так страдал за ближних,
Чтоб ропот совести сыграть, глушимый всеми?

Сыграть саму тоску, самих ночей беззвучье,
Изнанку счастья и тайну злополучья?!

КОНЕЦ ШАТЛАНИЙ НА КРУТАХ ТАДАНИЙ

Взгляните, вот портрет...

.....
*Как несравненна прелесть этих черт:
Чело Зевеса, кудри Аполлона;
Взор, как у Марса, — властная гроза;
Осанкою — то сам гонец Меркурий
На небом лобызаемой скале;
Поистине, такое сочетание,
Где каждый бог вдавил свою печать,
Чтоб дать Вселенной образ человека.*

*Вильям Шекспир,
"Гамлет"*

Его сонетов дивная тетрадь —
Сплошной поток самоуничиженья!
И лишь Театр знал — кому играть
Достоинств лучших стройное смещенье.

Кому, как не ему? Что тут гадать?!
И наше здесь кончается вторженье,
И не к чему вопрос-предположенье:
Мала ли роль, что *королям* подстать?

Он сам — король! Не приравнять к зануде,
Не подменить, не свергнуть до конца...
И в том, как принц — погибшего отца

Описывает ветреной Гертруде, —
Есть сумма свойств реального лица,
Есть описание *Шекспира*, люди!

*РАЗГАДЫВАЯ ЦВЕТА
НА ЧЁРНО-БЕЛЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ
ШЕКСПИРА*

Где краски?! Чудится мне рыжий, сероглазый,
Меднобородый бард!.. Предположение ценно,
Но спорно: рыжий-то обязан быть пролазой!
А коли честен, то — ирландцем непременно.

Ирландцем не был он. Пролазою — подавно.
Сам принцип рыжести нейдёт к его сонетам.
Но белокожий в них (могу поклясться в этом!)
Светловолосый нрав наличествует явно.

Носители усов и мужеских кафтанов,
Чей женский идеал — прекрасная брюнетка,
Черноволосыми бывают редко сами.

Шекспир, томившийся по жгучей Смуглой Даме,
Был, верно, светло-рус, блондинист или каштанов.
Так нашептало мне Чутьё — моя разведка...

УЛЫБКА НЕПОСВЯЩЁННОГО

Давно простыл событий след горячий.
А кто-то злостно стёр слова и знаки.
Но всё, чего теперь не видит зрячий,
Найдёт слепой — в его сверхжутком мраке.

Познанию слава! В честь его полёта
Я и сама слагала гимны часто.
Но лучше иногда... не знать чего-то:
Наощупь зорче будешь, чем на глаз-то!

Кто, если не профан, смеётся горько,
Удерживая слёзы сквозь ресницы,
Когда знаток суровый... кости Йорика
Идёт искать в шекспировой гробнице?

Невежде ключ к *таким* познаниям нё дан...
Но *кто*, как не профан, — Шекспиру предан?!

ДОМ ШЕКСТИРА

(Видение в январе)

Закрыв глаза, я разглядела вдруг
Английский дом шестнадцатого века.
(Не прямо. Сбоку.) Сумерки вокруг
Стояли светло-синими от снега.

И приливал — в метельных комьях — луг
(Как стая задохнувшихся от бега
Неравных волн) к подножию ковчега,
Где, — в снах готовя борону и плуг, —

Спал человек, усталостью сражённый.
А там, на кровле (в два прыжка к земле
Сбегавшей), танцевали в зимней мгле
На колесе, в гнездо преображённом,

Два аиста! Да-да! Среди зимы! —
Два снежно-белых — в синем центре тьмы.

* * *

Лукавец, вынуждая нас гадать
О том, что без гаданий было ясно,
Осёл ослом! Ан, чувствует прекрасно —
Как выдавить сомнения печать

На несомненном! Вот ведь и меня
Искать заставил доводы в защиту
Алмазов, звёзд, резьбы по малахиту
И вдохновенья Божия Огня!

И вот — защита солнца первородства, —
Шекспира! Не нуждавшегося в ней
Так долго после сна в Стране теней!
Что делать? Вновь приходится бороться...

Хотя бороться очень мудрено
За тех, кто победил давным-давно.

*Цикл сонетов "Шекспириада" (за исключением первого)
написан в 1993-1994 годах.*

Глава шестая

"КТО НАМ ПЕСНЮ СТОЁТ?"

Песни

"ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ"

Свет маяка в необозримой ночи,
Словно рука, расставил пальцы-лучи;
Как зеленоватая медузина спина,
В море отражается луна.

Трепет волны приводит в трепет луну:
То разорвёт, то снова слепит в одну, —
Там, где об утёсы ударяют буруны
Звонче обрываемой струны.

Кто нам песню споёт?
Кто нас уверит, что не всё пройдёт?
Кто перед нами фонарями впотьмах
Засветит небылицы?
Нет, никто не споёт!
"Летучий голландец" на дрова пойдёт!
Кок приготовит нам на этих дровах
Паштет из синей птицы!

Грустно на пристани свернулся канат,
Ветром растрёпан, как дворняга мохнат;
Сяду на канат, припомню лучшие года, —
Те, что не бывали никогда.

Солнечный зайчик обитал в парусах
С брызгами моря на янтарных усах, —
Был, словно не был он, и не был, словно был.
Не был, но — усами шевелил...

Кто нам песню споёт?
Кто нас уверит, что не всё пройдёт?
Кто фонарями перед нами впотьмах
Затеplit небылицы?
Нет, никто не споёт!
"Летучий голландец" на дрова пойдёт,
Кок приготовит нам на этих дровах
Паштет из синей птицы...

МЫ СЛЫШАЛИ СЛУХ

Мы слышали слух
о двух музыкантах,
Но слух не о двух
отдельных талантах,
Поскольку у них —
талант на двоих.

Один был трубач —
Другой барабанщик,
Один был трепач —
Другой был обманщик.

Талант на двоих,
Талант на двоих!

Расстаться они
мечтали давно,
Но чуть начинали
делить домино,
Не мог барабан
покинуть трубу:
Труба с барабаном
связала судьбу.

Один был трубач —
Другой барабанщик,
Один был трепач —
Другой был обманщик.

Талант на двоих,
Талант на двоих!

И тот, и другой
любили одну:
Вдвоём к одному
приходили окну.
И первый трубил,
как будто грубил,
Второй барабанил
сильней, чем любил.

Один был трубач —
Другой барабанщик,
Один был трепач —
Другой был обманщик.

Талант на двоих,
Талант на двоих,
Талант на двоих!

КАКОЙ БОЛЬШОЙ ВЕТЕР!

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока — пену,
    И если гвоздь к дому
    Пригнать концом острым,
    Без молотка, сразу,
    Он сам войдёт в стену.

Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды —
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез
    И, подкатясь боком
    К соседнему саду,
    В чужую врос грядку
    И снова там вырос.

А шквал унёс в море
Десятка два шлюпок,
А рыбакам — горе, —
Не раскурить трубок,
    А раскурить надо,
    Да вот зажечь спичку —
    Как на лету взглядом
    Остановить птичку.

Какой большой ветер!
Ах! Какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,
    И никому силой
    Тебя нельзя стронуть, —
    Скорей Нептун слезет
    Со своего трона.

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домов сорвал крыши,
Как с молока — пену...
    И если гвоздь к дому
    Пригнать концом острым,
    Без молотка, сразу,
    Он сам уйдёт в стену.

1960-61

КОРАБЛИК

Жил кораблик, весёлый и стройный,
Над волнами, как сокол, парил.
Сам себя, говорят, он построил,
Сам себя, говорят, смастерил.

Сам смолою себя пропитал,
Сам оделся и в дуб, и в металл,
Сам повёл себя в рейс:
Сам свой лоцман,
Сам свой боцман,
Сам свой капитан.

Тра-ля-ля-ля-ля-ля,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля,
Сам свой боцман,
Сам свой капитан.

Шёл кораблик, шумел парусами,
Не боялся нигде ничего.
И вулканы седыми бровями
Поводили при виде его.

Шёл кораблик по летним морям,
Корчил рожи последним царям.
Все ли страны в цвету?
Все ль на месте? —
Всё записывал,
Всё проверял!

Тра-ля-ля-ля-ля-ля,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля,
Всё записывал,
Всё проверял!

Раз пятнадцать — раз двадцать за сутки
С ним встречались другие суда:
Постоят, посудачат минутку
И опять побегут кто куда...

Шёл кораблик, о чём-то мечтал,
Всё, что видел, на мачты мотал,
Делал выводы сам:
Сам свой лоцман,
Сам свой боцман,
Сам свой капитан.

Тра-ля-ля-ля-ля-ля,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля,
Сам свой боцман,
Сам свой капитан.

*ОКРАИНЫ,
или
ДОМА БЕЗ КРЫШ*

Летняя ночь была
Тёплая, как зола...
Так, незаметным шагом,
До окраин я дошла.

Эти окраины
Были оправлены
Вышками вырезными,
Кружевными кранами.

Облики облаков,
Отблески облаков
Плавали сквозь каркасы
Недостроенных домов.

Эти дома без крыш
В белой ночной дали
В пустошь меня зазвали,
В грязь и глину завели.

На пустыре ночном
Светлый железный лом,
Медленно остывая,
Обдавал дневным теплом.

А эти дома без крыш
В душной ночной дали
Что-то такое знали,
Что и молвить не могли!

Из-за угла, как вор,
Вынырнул бледный двор:
Там на ветру волшебном
Танцевал бумажный сор.

А эти дома без крыш
В душной ночной дали
Плыли, как будто были
Не дома, а корабли.

Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Кадка с какой-то краской,
Точно в тёплом море — чёлн.

Палка-мешалка в ней,
Словно в челне весло...
От кораблей кирпичных
Кадку-лодку отнесло.

Было волшебно всё:
Даже бумажный сор!
Даже мешалку-палку
Вспоминаю до сих пор!

И эти дома без крыш,
Светлые без огня,
Эту печаль и радость,
Эту ночь с улыбкой дня.

ВОДОСТОЧНЫЕ ТРУБЫ

Дождь,
Дождь вечерний
Сквозь водосточные трубы.
Мокрые стены,
Зелёная плесень да мох...
А эти трубы
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

А эти трубы
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

Трубы вы, трубы, —
Я вашим тайнам не рада.
Ржавые трубы,
Вы бросьте про тайны трубить!
Я вас не знаю,
Мне ваших секретов не надо:
Зная секреты,
Трудно мечтать и любить.

Я вас не знаю,
Мне ваших секретов не надо:
Зная секреты,
Трудно мечтать и любить.

Верю, ах, верю
Тому, что за эту дверью
И в том окошке —
Измена, обида, обман...
Верю, ах, верю! —
Но почему-то... не верю.
И улыбаюсь
Каменным этим домам.

Верю, ах, верю! —
Но и не верю, не верю!
И улыбаюсь
Каменным этим домам.

Верю надежде,
Даже как будто напрасной,
Даже напрасной,
Совсем невозможной мечте...
Вижу я город,
Вижу я город прекрасный
В белом тумане,
В чёрном вечернем дожде.

Вижу я город,
Вижу я город прекрасный
В белом тумане,
В чёрном вечернем дожде.

Трубы вы, трубы, —
Бедные! —
Вы ещё стары.
Вся ваша плесень —
Лишь первый пушок над губой...
Вы ещё стары,
А мы уже юными стали,
Хоть мы узнали
Самую старую боль.

Вы ещё стары,
А мы уже юными стали,
Хоть мы узнали
Старую-старую боль.

...Дождь,
Дождь осенний
Сквозь водосточные трубы.
Мокрые стены,
Зелёная плесень да мох...
А эти трубы
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

Ах, эти трубы
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

ПЕСНЯ ПРО КОТЁЛ

В тиши весенней,
В тиши вечерней
Вблизи от прерий,
Вдали от гор
    Стояла ферма.
    Стояла ферма,
    А возле фермы
    Пылал костёр.

В котле широком
Кипело что-то,
А рядом кто-то
Сидел, мечтал...
    Котёл кипящий —
    Огонь шумящий
    Ему о чём-то
    Напоминал.

Вот ночь настала —
Костра не стало,
Последний уголь
Погас, погас...
    А тот, сидящий,
    В огонь смотрящий, —
    Он тоже скрылся,
    Скрылся из глаз...

И мы не знаем,
Ах, мы не знаем:
Был или не был
Он на Земле,
    Что в тихом сердце
    Его
        творилось,
    И что варилось
    В его котле.

ПОЖАРНЫЙ

Жил-был пожарный в каске ярко-бронзовой,
Носил, чудак, фиалку на груди!
Ему хотелось ночью красно-розовой
Из пламени кого-нибудь спасти.

Мечта глухая жгла его и нежила:
Вот кто-то спичку выронит и — вот...
Но в том краю как раз пожаров не было —
Там жил предусмотрительный народ.

...Из-за ветвей следить любила в детстве я,
Как человек шагал на каланче...
Не то чтобы ему хотелось бедствия,
Но он грустил — о чём-то вообще...

Спала в пыли дороженька широкая,
Набат на башне каменно молчал...
А между тем горело очень многое,
Но этого никто не замечал!

Но этого никто не замечал!

ПЬЕРО

Что ты смотришь так тупо,
Ах ты, шляпа Пьеро?
    Что ты смотришь так тупо,
    Ах ты, шляпа Пьеро?
Над тобой снова туча,
Как над шляпой перо.
    Над тобой снова туча,
    Как над шляпой перо.

Канцонетта, канцона:
Тра-ля-ля, три-ли-ли.
    Канцонетта, канцона:
    Тра-ля-ля, три-ли-ли.
Рукава балахона
Опустил до земли.
    Рукава балахона
    Опустил до земли.

Верещит мандолина:
Ти-лин-лат, ти-ли-я.
    Верещит мандолина:
    Ти-лин-лат, ти-ли-я.
Влюблена в Арлекина
Коломбина твоя.
    Влюблена в Арлекина
    Коломбина твоя.

Серенады и песни
У тебя на крыльце!
    Серенады и песни
    У тебя на крыльце!
Тень верёвочных лестниц
У тебя на лице!
    Тень верёвочных лестниц
    У тебя на лице!

Не смотри же так тупо,
Ах ты, шляпа Пьеро!
    Не смотри же так тупо,
    Ах ты, шляпа Пьеро!
Над тобой снова туча,
Как над шляпой перо.
    Над тобой снова туча,
    Как над шляпой перо.

1961

АХ, КАК ДОЛГО ЕДЕМ!

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдаль хребты туманной сьерры...
А как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поёт погонщик,
Только песню о любви поёт погонщик,
Да порой встряхнётся мул,
И колокольчики на нём,
И колокольчики на нём зальются звонче.

Ну скорей, скорей, мой мул!
Я вижу, ты совсем заснул:
Ну поспешим — застанем дома дорогу!..
Ты напьёшься из ручья,
А я мешок сорву с плеча
И потреплю тебя и в морду поцелую.

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдаль хребты туманной сьерры...
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поёт погонщик,
Только песню о любви поёт погонщик,
Да порой встряхнётся мул,
И колокольчики на нём,
И колокольчики на нём зальются звонче...

ЦЫГАНКА-МОЛДАВАНКА

Развесёлые цыгане
По Молдавии гуляли
И в одном селе богатом
Ворона коня украли.
А ещё они украли
Молодую молдаванку:
Посадили на полянку,
Воспитали как цыганку.

Навсегда она пропала
Под тенью загара.
У неё в руках гитара,
Гитара, гитара!
Позабыла всё, что было,
И не видит в том потери.
(Ах, вернись, вернись, вернись!
Ну оглянись, по крайней мере!)

Мыла в речке босы ноги,
В пыльный бубен била звонко.
И однажды из берлоги
Утащила медвежонка,
Посадила на поляну,
Воспитала как цыгана:
Научила бить баклушки,
Красть игрушки из кармана.

С той поры про маму-папу
Забыл медвежонок —
Прижимает к сердцу лапу
И просит деньжонок,
Держит шляпу вниз тульёю...
Так живут одной семьёю,
Как хорошие соседи,
Люди, кони и медведи.

По дороге позабыли:
Кто украл, а кто украден.
И одна попона пыли
На коне и конокраде.
Никому из них не страшен
Никакой недуг, ни хворость...
По ночам поют и пляшут,
Да в костры бросают хворост.

А беглянка добрым людям
Проходим
Ворóжит:
Всё, что было, всё, что будет,
Расскажет,
Как может...

Что же *с ней*, беглянкой, было?
Что же *с ней*, цыганкой, будет?
Всё, что было, — позабыла.
Всё, что будет, — позабудет...

1961

ГОРИЗОНТЫ

Видишь? —
                    зелёным бархатом отливая,
Море
                    лежит спокойнее, чем земля.
Видишь? —
                    как будто ломтик от каравая,
Лодо-
                    чка отломилась от корабля.

Яхты
                    и пароходы ушли куда-то.
Видишь? —
                    по горизонту они прошли,
Так же
                    как по натянутому канату
В цирке
                    канатоходцы пройти могли.

Словно
                    за горизонтом обрыв отвесный —
Пропасьт!
                    И пароходы идут, скользя,
Робко
                    и осторожно держась над бездной,
Помня,
                    что оступаться туда нельзя.

Ты же
                    так хорошо это море знаешь,
И песни,
Песни
                    про эту пропасть поёшь, поёшь...
Что ж ты
                    за горизонтом не исчезаешь?
Что ж ты
                    за пароходами не плывёшь?

Видишь? —

канатоходцами по канату

Снова

по горизонту они прошли, —

Снова —

в Константинополь, Суэц, Канаду...

Снова —

по краю моря на край земли.

Снова —

в Константинополь, Суэц, Канаду,

Снова —

по краю моря на край земли.

1961

ВЕРЕСК

Осыпается вереск мой,
Что у моря был сорван мной,
И не верится в это мне,
И не верится.
Но не здесь этот вереск рос, —
Так большой ли с бедняги спрос?
Я уж как-нибудь проживу
И без вереска.

Не грущу о чужих цветах,
А грущу о своих цветах,
От которых того и жди,
Что опять засекут дожди,
Или ветер забьёт...
Или просто придёт черёд...

Осыпается вереск мой,
Осыпается, осыпается...

Этот вереск напомнил мне
О пустынных местах,
О пустынных местах,
Пограничных постах,
О пустых палисадниках,
Заметённых песком,
О гарцующих всадниках,
О идущих пешком...

Осыпается вереск мой,
Что у моря был сорван мной,
И не верится в это мне,
И не верится.
Но не здесь этот вереск рос, —
Так большой ли с бедняги спрос?
Я уж как-нибудь обойдусь
И без вереска.

Но не стану теперь опять,
Но не стану цветы срывать!

Осыпается вереск мой,
Осыпается, осыпается...

1961

КАРАВАН

Мой караван шагал через пустыню,
Мой караван шагал через пустыню,
Первый верблюд о чём-то с грустью думал,
И остальные вторили ему.

И головами так они качали,
Словно о чём-то знали, но молчали,
Словно о чём-то знали, но не знали:
Как рассказать,

        когда,
                зачем,
                        кому...

Змеи шуршали среди песка и зноя...
Что это там? что это там такое? —
Белый корабль, снастей переплетенье,
Яркий флажок, кильватер голубой...

Из-под руки смотрю туда, моргая:
Это она! Опять — Фата-Моргана!
Это её цветные сновиденья,
Это её театр передвижной!

Путь мой далёк. На всём лежит истома.
Я загрузил: не шлют письма из дома...
"Плюй ты на всё! Учись, брат, у верблюда!" —
Скажет товарищ, хлопнув по плечу,

Я же всердцах пошлю его к верблуду,
Я же — всердцах — пошлю его к верблуду:
И у тебя учиться, мол, не буду,
И у верблюда — тоже не хочу.

Друг отошёл и, чтобы скрыть обиду,
Книгу достал, потрёпанную с виду,
С грязным обрезом, в пёстром переплёте, —
Книгу о том, что горе — не беда...

...Право, уйду! Наймусь к Фата-Моргане:
Стану шутом в волшебном балагане,
И никогда меня вы не найдёте:
Ведь от колёс волшебных нет следа.

...Но караван всё шёл через пустыню,
Шёл потому, что горе — не беда.

1961

ФОКУСНИК

Ах ты фокусник, фокусник-чудак!
Ты чудесен, но хватит с нас чудес.
Перестань! Мы поверили и так
В поросёнка, сошедшего с небес.

Да и вниз головой на потолке
Не сиди — не расходуя время зря!
Мы ведь верим, что у тебя в руке
В трубку свёрнуты страны и моря.

Не играй с носорогом в домино
И не ешь растолчённое стекло,
Но втолкуй нам, что чёрное — черно,
Растолкуй нам, что белое — бело.

А ночь над цирком такая, что ни зги, —
Точно двести взятых вместе ночей...
А в глазах от усталости круги —
Покрупнее жонглёрских обручей!

Ах ты фокусник, фокусник-чудак,
Поджигатель бенгальского огня!
Сделай чудное чудо: сделай так,
Сделай так, чтобы поняли меня!

ВОДОПАД

Дышит осень незаметно
На деревья и кусты, —
И от ветра, и без ветра
Опадают с них листья.

И, листом осенним, с неба
В море падает звезда, —
Не вернуться ей на небо,
Не вернуться никогда!

А водопад —
Он не то, что листопад, —
Не печалит он, а радует
Там, где падает!
Водопад не листопад,
Водопад не звездопад —
Он весёлый от макушки и до пят!

Водопад,
Падай всласть!
Можно пасть, чтоб не упасть,
И упасть, чтобы не пасть
И всё на свете не проклясть.
И грохочет водопад,
И хохочет невпопад,
Словно хочет в этой пропасти пропасть...

Ручеёк стремится в пропасть —
Грозной бездны патриот.
Разве в пропасть нужен пропуск? —
Пропусти его вперёд!
Но едва преодолает
Он запретную черту —
Обомлеет, обмелеет,
Спрячет камушки во рту.

А водопад,
Как весёлый акробат,
Вызываемый на "бис",
Летит, летит с уступа вниз...
Водопад не листопад,
Водопад не звездопад —
Он весёлый от макушки и до пят...

Водопад,
Падай всласть!
Можно пасть, чтоб не упасть,
И упасть, чтобы не пасть
И всё на свете не проклясть.
...И грохочет водопад,
И хохочет невпопад,
Словно хочет в этой пропасти пропасть.

Вижу её
в пасмурную
погоду,
Вижу: прилив
над ней завивает
тёмную воду...
Кто мне её,
ах, кто мне её
достанет?
Водолазил водолаз —
Водолазу не далась!
Чья тут вина?

Водолазил водолаз —
Водолазу не далась!
Чья тут вина?

1962

БОГИ

Боги!
Мы просим вас!
Мы просим вас!
Мы просим вас!
Вы, которые живёте
внутри вулкана —
огненной горы,
Мы просим вас:
Не троньте нас!
Не троньте нас!
Не троньте нас!
Примите наши жертвоприношенья!
Ну что вам стоит?!
Будьте так добры!

Мы чёрные —
черней, чем обгорелые поленья,
Но мы уже до белого каленья
от чёрного отчаянья дошли!
Вот видите?
Мы пали перед вами на колени,
От боли наши пальцы побелели —
Так тесно
Мы пальцы
Сплели!

Но — за ударом удар
Людям наносит вулкан:
Брызжет камнями шестнадцатитонными
Кратера красный фонтан...
Словно малиновый зев,
Землю разинул пожар:
Трах-та-ра-рах,
Трах-та-ра-рах...
За ударом — удар,
За ударом — удар,
За ударом — удар!..

Пепел горящий летит
Стаями огненных птиц;
Лавы тяжёлые складки кривятся,
Как тысячи сморщенных лиц;
Рвутся кричащие рты,
Хмурятся грозные лбы,
Лавы тяжёлые складки вздымаются
С видом идущей толпы,
С видом идущей толпы,
С видом идущей толпы...

Боги!
Ваш гнев великолепен, но и мелочен:
Сколько грома, сколько пыла,
Чтобы суму у нищего отнять!
Боги!
Просить вас больше некому.
    И не о чем.
Это всё когда-то было.
Когда-то было...
    Не стоит повторять.

1962

ВЕНГЕРСКАЯ БАЛЛАДА

В старом-старом Будапеште
Жил слепой парнишка,
Не видал ни зги, но сам
Был ярк, точно вспышка.

    С гибкою и дерзкой
    Скрипкою венгерской
По дворам ходил наощупь
Тот слепой парнишка.

Он играл. И все охотно
Слушали слепого.
И не все его бросали
Без куска и крова:.

    С гибкою и дерзкой
    Скрипкою венгерской
Можно смело прокормить
И обогреть любого.

    Динь-динь-динь, колокольчик,
    Динь-динь-динь, колокольчик!
Отскочило колесо, —
Выходи, колёсный мастер,
Всю повозку почини!

    Динь-динь-динь, колокольчик,
    Динь-динь-динь, колокольчик!
А колёсный мастер спит,
А во сне, бездельник, видит,
Что повозку починил!

Но однажды вдруг напал
На город враг жестокий.
В эту пору мальчик спал
Под вязом у дороги.

    Он проснулся в полдень —
    Сразу скрипку вспомнил
И тихонько заиграл
Без горя и тревоги.

Песню Венгрии свободной
 Враг услышал злобный:
 Для него она звучала
 Музыкай надгробной.
         С гибкою и дерзкой
         Скрипкою венгерской
 Чужаку не показалась
 Венгрия удобной.

Динь-динь-динь, колокольчик,
 Динь-динь-динь, колокольчик!
 Отскочило колесо, —
 Выходи, колёсный мастер,
 Всю повозку почини!

Динь-динь-динь, колокольчик,
 Динь-динь-динь, колокольчик!
 А колёсный мастер спит,
 А во сне, бездельник, видит,
 Что повозку починил!

Не скажу, что было дальше —
 Это так обычно!
 Ясных глаз, давно закрытых,
 Не закрыть вторично.
         В Будапеште старом
         Мальчик жил недаром
 И незрячими глазами
 Видел всё отлично!

Динь-динь-динь, колокольчик,
 Динь-динь-динь, колокольчик!
 Отскочило колесо, —
 Выходи, колёсный мастер,
 Всю повозку почини!

Динь-динь-динь, колокольчик,
 Динь-динь-динь, колокольчик!
 А колёсный мастер спит,
 А во сне, бездельник, видит,
 Что повозку починил!

ПОЛОВОДЬЕ

Воды шумят и плещут,
Режут глаза сверканьем;
Мокрая щепка блещет,
Как драгоценный камень.
    Кружится половодье,
    Злится, мосты смывает...
Я опущу поводья —
Конь мой дорогу знает.

Я опущу поводья —
Конь мой дорогу знает.

Выберусь на дорогу —
Глина на ней размыта.
Жаль, что по ней не могут
Звонче стучать копыта!
    Ах, как мне снится лето,
    Тёплое и сухое!
    Сосны сухого цвета,
    С лёгким дыханьем хвоя...

Тонкой калины ветки,
Грустной кукушки слёзки
И на берёзках редких —
Пятнышки и полоски.
    ...Кружится половодье,
    Злится, мосты срывает...
Я опущу поводья —
Конь мой дорогу знает.

Я опущу поводья —
Конь мой дорогу знает.

ПЕСНЬ О ДАЛЁКОЙ ДАЛИ

Где-то в далёких краях
Есть одинокий маяк.
Старенький сторож на нём обитает,
Серые волны, скучая, считает.
Знаю: встречает, потом — провожает
Все уходящие вдаль корабли.

Знаю: пучина морей
Скрыла троих сыновей.
Верно уж, верно, по этой причине
Старенький сторож перечит пучине! —
Пальцем грозит океанской пустыне,
Бурю встречая, трясёт головой...

Но временами маяк
Весь расцветает, как мак:
Лодка подходит к нему с провиантом...
Сторож зачем-то нарядится франтом, —
Шляпу с коричневым кожаным бантом
Держит рукой, чтобы ветер не снёс...

Всё же в конце-то концов
Лодка уносит гребцов...
Не оттого ли с такою тревогой
Вдруг просыпаюсь я ночью глубокой?
Только помыслишь о дали далёкой, —
Кругом от грусти идёт голова...

ПРОПОВЕДНИК

Осушая слёзы о передник
Плачут жёны, плачет народ.
Старый Робин, чёрный проповедник,
Простирает руку вперёд:

"О, братья мои, сёстры,
Много бед у вас, увы!
Перед вами, братья мои, сёстры,
Я стою, такой же, как вы.

Что я могу поделаться?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сёстры,
Буду вечно, вечно в долгу!

Балахоны ходят, как туманы, —
Страшен, страшен Ку-Клукс-Клан!
Он решил, что все мы бесталанны, —
На лачуги пламя наслал!

И горят, и горят кресты по взгорьям,
Полыхая и дымясь...
На таком кресте или подобном
Умирал Спаситель за нас.

Ну а я, что я тут могу поделаться?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сёстры,
Буду вечно, вечно в долгу!"

Как горошек, проповедь наивна,
Проповедник чуть не в себе,
Прихожане плачут непрерывно,
И кричит ребёнок в толпе.

Ну а я, что я тут могу поделаться?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сёстры,
Буду вечно, вечно в долгу!..

ШАРМАНЩИК

На землю падал снег,
И кто-то пел о том,
Как жил да был старик
С шарманкой и сурком;
Что он вставал чуть свет
И шёл за песней вслед;
О том, что на земле
Шарманок больше нет.

Шарманок, шарманок,
Шарманок больше нет.

Скажите, а зачем
Шарманка вам нужна? —
И сиплая совсем,
И хрипая, она
Скрежещет, как возок,
Скрипит, как бурелом,
Как флюгер, как сапог,
Как дерево с дуплом!

Как дерево, как дерево,
Как дерево с дуплом!

Достойные друзья!
Не спорю с вами я:
Старик-шарманщик пел
Не лучше соловья.
Но — тронет рукоять, —
И... — верьте, что порой
Он был самостоя-
тельнее, чем король!

Ла-лай, ла-лай, ла-ла,
Ла-ла-а, ла-ла-а, ла-ла.

И радость, и печаль
Звучали в песне той,
Был тих её напев,
Старинный и простой...
Не знаю, как мне быть!
Нельзя ли как-нибудь
Шарманку обновить,
Шарманщика вернуть?

Шарманщик! Эй, шарманщик!..
Шарманщика вернуть!

Шарманщик! Эй, шарманщик!..
Шарманщика вернуть...

1963-64

ДЕВУШКА ИЗ ХАРЧЕВНИ

Любви моей ты боялся зря, —
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.

И если ты уходил к другой
Или просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ
        висел на гвозде.

Когда же, наш мимолётный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался после плаща.

Течение дней, шелестенье лет, —
Туман, ветер и дождь...
А в доме событие — страшнее нет:
Из стенки вырвали гвоздь!

Туман, и ветер, и шум дождя...
Течение дней, шелестенье лет...
Мне было довольно, что от гвоздя
Остался маленький след.

Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра, —
Мне было довольно того, что след
Гвоздя
        был виден — вчера.

Любви моей ты боялся зря
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою!

И в тёплом ветре ловить опять —
То скрипок плач, то литавров медь...
А что я с этого буду иметь?
Того тебе — не понять.

1964

АРТЕНТИНСКАЯ

Только и дышит струн протяжный звон
Памятью незапамятных времён,
Только о старых и о новых днях
Волны впотьмах шумят.

Ночь.

Волны прибрежные черны.

Море,

море напрасно ждёт луны.

В бухте — ни огней, ни голосов;

Не отражает парусов

Незрячий блеск волны.

Пальм

не видно в сумраке ночном,

Но я —

я всё равно их видел днём!

Дышат их верхи под тёплой мглой,

Как будто угли под золой,

Полупотушенным огнём.

Что там? —

то ль это лодка, то ли плот?

Кто-то

по морю тёмному плывёт

И песню, песню старую поёт, —

К воспоминаниям зовёт

Старая песнь меня...

Только,

только не знаю, как мне быть:

Что мне,

что надо вспомнить, что забыть?

Нет воспоминаний у меня:

Я помню радость утром дня

И грусть на склоне дня —

Вот и всё.

ОДЕРЖИМЫЙ ДЖИМ

Джим, Джим, Джим,
Чем ты одержим? —
Плечи понурены,
Брови нахмурены,
Взор твой недвижим.

Если покой
Здесь недостижим,
Что же делать?
Ну что же делать?
Ну хочешь — убежим?!

Джим, Джим, Джим,
Хочешь — убежим
Горной тропой?
А коней нам с тобой
Раздобудет знакомый ковбой.

Сорной травой
Порос участок твой, —
Громко смеются
Золотоискатели
Над твоей бедой.

Всё — не туда,
Всегда — не в ту даль
Многие стремятся!
И Джим — он тоже такой.

Ну-ка, Джим,
Куда мы податься решим?
Хочется если —
В Испанию, Данию,
Швецию, Грецию, Рим,

Если там
Желанный твой причал...
"Дальше, дальше,
Ах, дальше, дальше!" —
Вдумчиво Джим отвечал.

А может быть,
Устал ты по суше бродить?
Хочется не
По сухому бродить,
А по мокрому хочется плыть?

Море и шквал —
Не там ли твой привал?
"Дальше, дальше,
Ах, дальше, дальше!" —
Сумрачно Джим отвечал.

Всё — не туда,
Всегда — не в ту даль
Многие стремятся.
И Джим — он тоже такой!

Молви, Джим,
Не медля или не для,
Если тебя
Перестала устраивать
Грешная наша Земля,

Рвёшься ли ты
В потусторонний свет?
"Дальше, дальше,
Ах, дальше, дальше!" —
Джим заявляет в ответ.

Ну вот — опять!
Тебя не понять!
Чего тебе надо? —
Не разобрать,
Такой-сякой!

Ничего
Джим не сказал,
Только вздохнул,
Да махнул рукой.

Ничего
Джим не сказал,
Только вздохнул,
Да рукою махнул,
Да другую провёл по глазам,

Только вдаль
Молча указал...
Вот и прекрасно —
Всё стало ясно! —
Так бы и сказал!

И всё — не туда,
Всегда — не в ту даль
Многие стремятся!
И Джим — он тоже такой.

ДОН ХОСЕ

Дон Хосе де Мосэнергос
говорил меньшому брату:
— Лишь тебе, мой брат любимый,
тайну сердца я открою:
Как во храм пойдёт Пресьёса,
потупляя очи долу, —
Ах как жарко сердце бьётся,
Как стремится вслед за ней!

Ах как жарко сердце бьётся,
Как стремится вслед за нею!

Но люблюсь я Пресьёсой
(ты плохого, брат, не думай!)
Не как фат, не как мошенник,
не как наглый похититель,
А люблюсь я Пресьёсой,
сердца пыл сдержав смиренно,
Как поэт и как влюблённый
и как набожный католик!

Ах как жарко сердце бьётся,
Как стремится вслед за нею!
Ах как жарко сердце бьётся,
Как стремится вслед за нею!

Насажу ли в час полночный
я соперника на шпагу —
Да и то для благочестия
и к общественному благу!
И проникну к ней в окошко
по верёвочному трапу,
Потому что почитаю
католического Папу!

Потому что почитаю
католического Папу.

За Цыганами

(Песня на холмах)

Конь при дороге траву щипал.
Ночь наступила — и конь пропал...
Если пойдёшь за конём вослед —
Скоро мелькнёт за холмами свет.

Там разместился весёлый стан —
Стан разместился бродяг-цыган.
Там, на холмах, под гитарный звон
Слышались песни былых времён.

Там, на холмах, под гитарный звон
Слышались песни былых времён.

Тропка по сумраку чуть вилась...
Издали, издали чудилось:
В таборе том, в старых песнях тех
Не было слов, кроме "ах!" да "эх!".

В таборе том, в старых песнях тех
Не было слов, кроме "ах!" да "эх!".

Что же так тянет меня туда?
Что же так манит на дальний свет?
В сердце ведь нет у цыган стыда —
(говорят) —
А рассудить — так и сердца нет!

В тёмных глазах — океана дно,
Вечные звёзды и вечный путь,
А на душе — лишь одно, одно —
(говорят). —
Как бы последний твой грош стянуть!

А на душе — лишь одно, одно —
(говорят) —
Как бы последний твой грош стянуть!

Или бранят песнопевцев зря?
Зря облагают наветами?
Или приблизиться к ним нельзя
Даже совсем не поэтому?

Нет, не пойду я на дальний свет!
Встану — покину ковыльный рай...
Только, цыганочка, пой мне вслед!
Только позвонче, цыган, играй!

Только, цыганочка, пой мне вслед,
вслед,
вслед...
Только позвонче, цыган, играй...

ПЕСЕНКА ПРО ПОЧТАЛЬОНА

Едет!

Кто это едет?

Едет, держит руль без перекоса.

Едет,

дорогу цедит

Сквозь велосипедные колёса...

Кто не пел про почтальона!

Почтальону — и почёт, и честь!

Птицей в сумке почтальона

Бьётся радостная весть!

Птицей в сумке почтальона

Бьётся радостная весть!

По садам, садам зелёным —

Видишь? — даже солнце ходит следом,

Следом

За почтальоном,

За его простым велосипедом.

Кто не пел про почтальона?

Почтальону — и почёт, и честь!

Птицей в сумке почтальона

Бьётся радостная весть!

Если ж

дурные вести, —

Почтальона, люди, не корите,

Только

со мною вместе

Песенку эту повторите.

Почтальоны ведь не боги —
Те же люди, что и вы,
  точь-в-точь,
Тем любезнее в итоге
Вам готовые помочь...

Кто не пел про почтальона?
Почтальону — и почёт, и честь!
Птицей в сумке почтальона
Бьётся радостная весть!

1970

СИНЕЕ МОРЕ

Ивану Киуру

Синее море, белая пена,
Бурных волн бесконечная смена...

Знаю — за той чертой,
За поволокою,
За волоокою далью далёкою, —
Знаю — за той чертой
Вечно чудесные,
Мне неизвестные
Страны лежат.

В зарослях тёмных райские птицы
Так горят — как лучи сквозь ресницы!

Там по побережью дружною парю
Ходят рядком какаду с кукабаррою.

А за утёсами
Там носом к носу мы
Можем столкнуться,
Можем столкнуться
Порой с утконосами —
В дюнах, под солнца
Лучами раскосыми.

А за лианами переплетёнными
Там водопады стоят веретёнами...

Ветер травой шумит,
Равнина тянется...
Там кенгуру,
Там кенгуру пробежит —
И вдруг оглянется!..

Синее море, белая пена,
Бурных волн бесконечная смена...

КОРАБЛИ

Памяти Александра Грина

Как прекрасны старые корабли!
Будто жарким днём в холодке квартир
Кружевницы гентские их плели,
их плели,
А точили резчики и ювелир.

Кружевницы гентские их плели,
их плели,
А точили резчики и ювелир.

Грациозно выгнуто их крыло,
И настолько тонкий на них чекан,
Будто их готовили под стекло,
под стекло,
А послали всё-таки — в ураган.

Будто их готовили под стекло,
под стекло,
А послали всё-таки — в ураган.

Были души: чистые, как хрусталь,
Тоньше кружев, угольев горячей...
Их обидеть было жаль,
Покоробить было жаль...
Но ушли они в перестук мечей.

Их обидеть было жаль,
Покоробить было жаль...
Но ушли они в перестук мечей,
Словно к мысу Горн
Корабли,
Корабли...

РЕКА

Когда одна я, совсем одна,
И вечер свеж после жарких дней,
И так высоко стоит луна,
Что земля темна и при ней,

И холодный ветер пахнет травой,
И веки смыкаются в полусне, —
Тогда является мне на стене
Река
и чёлн теневой.

А в том челне старина Гек Финн
Стоит вполуоборот.
И садится он, и ложится в челнок,
И плывёт, закурив, плывёт...

В лучах пароходов и городов,
Один-одинёшенек-одинок,
Становится точкой его челнок,
Но не так, чтоб исчезнуть совсем,
Но не так, чтоб исчезнуть совсем...

И все ему на реке слышны
Остроты встречных плотовщиков.
Спросите, а чем они так смешны?
И смысл у них каков?

А просто смех на реке живёт,
А просто весело ночью плыть
Вдоль глухих берегов
По реке рабов...
Но в свободный штат,
Может быть!

Вдоль глухих берегов
По реке рабов...
Но в свободный штат,
Может быть!..

*ПОЭТЫ**Памяти Тудора Аргези*

Когда потеряют значенье
                                слова и предметы,
На Землю, для их обновленья,
                                приходят поэты.
Под звёздами с ними не страшно:
                                их ждёшь, как покоя!
Осмотрятся, спросят (так важно!):
                                "Ну что здесь такое?"

Опять непорядок на свете без нас!"

(Кругом суета:
Мышь ловит кота,
К мосту рукава
Пришиты,
От всякой букашки
Ищет защиты
Бедный великан!

Зелёный да алый
На листьях дымок, —
Их бархат усталый
В жаре изнемог...)

Вступая с такими словами
                                на землю Планеты,
За дело, потрянув головами,
                                берутся поэты:
Волшебной росой вдохновенья
                                кропят мир несчастный
И сердцам возвращают волненье,
                                а лбам — разум ясный.

А сколько работы ещё впереди!

Живыми сгорать,
От ран умирать,
Эпохи таскать
На спинах,
Дрожа, заклинать
Моря в котловинах,
Небо подпирать...

(Лучами блистает
Роса на листе,
Спеша, прорастает
Зерно в борозде.)

Привет сочинителям славным,
      чьи судьбы предивны!
Но колбасникам, тайным и явным,
      поэты противны —
Что в чужие встречают печали,
      вопросы решают...
Ах, вопросы нам жить не мешали,
      ответы — мешают!

И скажут ребятам такие слова:

"Вы славу стяжали,
Вы небосвод
На слабых плечах
Держали,
Вы горы свернули,
В русло вернули
Волны грозных вод..."

Потом засмеются
И скажут потом:
"Так вымойте блюда
За нашим скотом!"

Когда потеряют значенье
  слова и предметы,
На Землю, для их обновленья,
  приходят поэты,
Их тоска над разгадкой скверных,
  проклятых вопросов —
Это каторжный труд суеверных
  старинных матросов,

Спасаящих старую шхуну Земли.

1975

СТАРИННЫЙ БРОДАТА

В мороз и зной
                                в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня.
Свой дом и очаг
                                у каждого есть,
Но нет его у меня.

Свой дом и очаг
                                у каждого есть,
Но нет его у меня.

У птицы есть,
                                у ящериц есть,
Есть у крота, у всех, кто живёт,
И только меня
                                на празднество дня
Никто не ждёт, не зовёт.

Проскачет всадник,
                                следом — другой,
Но я ничего у них не прошу,
Я только спою:
                                "Дорога — мой дом" —
И дальше в путь ухожу...

Люблю я утра
                                первый восход,
Люблю я погоду, если тиха,
Гнездо жаворонка
                                в жёлтых полях,
Костёр, костёр пастуха.

Люблю я даль
                                с гуртами овец
И над очагами тающий дым,
Боярышника
                                багряный венец
И месяц ранний над ним.

В мороз и зной
                  в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня...
Свой дом и очаг
                  иметь может всяк,
Но нет его у меня.

1976

ПЕСНЯ ДЭЗУ

К предполагаемой пьесе по "Бегущей по волнам" А.Грина

Иголка с ниткой, рабочая шкатулка
И чашки с блюдцами падают из рук:
Ведь так бывает, когда приходит песня
И путеводный её начальный звук.

Зачем так странно моё предназначенье?
Пускай на это ответит мне судьба,
Огни на стёклах, на лестницах фигуры,
А в море искры от лунного столба.

Пускай на это мне ответит ветер,
Что вечно дует на запад и восток;
Пустых мечтаний разносит он так много —
Так хоть бы правду сказал один разок!

А люди вечно всего у ветра просят:
"Примчи!.. Поддай!.. Передай!.. Шепни!.. Навей!.."
А он приносит — но сам же и уносит
Людское счастье за тридевять морей...

...Иголка, нитка, рабочая шкатулка
Весь день бунтуют и падают из рук...
Но так бывает, когда приходит песня —
Ещё дрожащий,
но верный звук.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Пастушеский дневник	7
Глава вторая. Идиллии и пасторали	31
Рисунки для трёх табакерок	32
Почти по Жуковскому	33
Идиллическое с элегицким	34
Деталь небольшой пасторали про то, как забор украли	35
Завхозика	36
Мечтательный пастух	37
Стадо и Пастух (Басня)	39
Идиллия	42
Пастушеское	43
Стихи, сочинённые при втором начинании романа "Союз Действительных"	45
"Пастух по стаду выстрелил кнутом..."	46
Жду снега	47
Корзинщица	48
Пастораль	49
Рисунки для чайного сервиза, или Обманутый пастушок	51
Жёлудь	53
Глава третья. Отчаянная Мэри (Стихи 1940-50-х годов)	55
Сады в цвету... ..	56
"Из трещин серых стен ползёт зелёный мох..." .	57
Весенний путь	58
Рембрандт	59
Погребок	62
"Как ветер гнёт сосну тугую..."	65
Пьяный индеец	66
Отчаянная Мэри	68

Вальтер Скотт	71
Свечение моря	73
Бездомный домовой	74
В предрассветном тумане	76
Морская поэма	77
Песня Свободы	82
Коррида	83
Миссури	85
Пять минут	87
Выселение из Вселенной (Поэма)	89
"После бури в ночи не проплыть, не пройти..."	93
Три ответа	94
Сила воображения	96
Образы большого трактира	97
"— Как ты можешь воспевать эвкалипты..."	100
Глава четвёртая. Пингвиана (Стихи разных лет)	101
Следы	102
"Флейтист"	104
Сон в дороге	105
Звезда	107
"Кто в романтику жизни не верит..."	108
Адам и Ева	109
Звёздный Лис	110
Образы лета	112
Акация	113
Песнь о "Летучем голландце"	114
Наливая воду в пионы	116
Австралийские лошади	117
"На "богатство фантазии" так обижаются..." ..	120
"Когда всё равно опаздываю..."	121
Пингвиана	123
Штольц и Обломов	125
Горшки (Древность)	126
Под защитой	129

Душистый свет	130
Могущество соловья	131
На острове Пасхи	132
Пенаты	134
Волшебница и осёл	135
Честертон	136
Святочная фантазия	137
Издалека	139
Глава пятая. Сонеты	141
1. Ветка бузины	142
"Не сам сонет растаял в блеске лунном..."	142
Снежный свет (Пятидесятые годы)	143
"Глухой зимы коснеющий триумф..."	144
Подснежник	145
Тайна	146
Вечер с бузиной	147
В полношный шас	
(Сонет на опыты над русским языком)	148
Покажись! (Или — "Нечто" и "нешто")	149
Жора и "Лена" (к спору о "книжности")	150
Романтики и реалисты	151
Не феникс из пепла, а — феликс из пекла	
(Подражание Саше Чёрному)	152
Сонет в защиту длинных слов	153
Ваза (и рисунок на ней)	154
2. Лотофаги	155
Есть гениальность ночи...	155
Чарльз Чаплин	156
Есть комики с душой...	157
Величие?	158
Сонет в защиту Марианны	159
"Перед дождём, упорным и унылым..."	160
"В долгах мы. Как Сервантес! В виде шутки..."	161

"Художник, незнакомый с поощрением..."	162
Лотофаги	163
Третья Коринна	164
Московские тайны	165
I. Москва-сортировочная	165
II. Забывчивые и забытые	166
III. Секреты московского Полишинеля	167
Новогоднее	168
3. Шекспириада	169
Елизавета и Шекспир	169
"Пойду ль, выйду ль я..."	170
Исследователи	171
Чутьё профана	172
"И вдруг..."	173
Пастух, или Свидетельство самоучки	174
Его университеты	175
Вот то, в чём я уверена!	176
Гимн чердакам	177
"По вычисленьям смутно-рьяным..."	178
Предмет возможных "буйств"	179
В Лондон! или Могло ли быть иначе?	180
Не спрашивай...	181
Тёмная личность или Непонятное раздражение ...	182
Зарясь на своё	183
Большой философ, или... феникс-многостаночник?	184
Человек не оборотень	185
Историк-распорядитель, (или "Комедия ошибок")	186
Многостаночник	187
Но если врут — нескладно...	188
Жреческий подход	189
"Быки" и "Юпитеры"	190
"Один за всех", или "Все за одного"?	191
Скажи!..	192
"Вторые роли" Шекспира	193

"Нет, не затем он выбрал роль короче..."	194
Распределение ролей	195
Дух-постановщик	196
Актёр Шекспир	197
О людях гениальных	198
Но... так ли мала эта роль?	199
Великая роль	200
Великий актёр — Шекспир	201
Конец шатаний на кругах гаданий	202
Разгадывающая цвета на чёрно-белых изображениях Шекспира	203
Улыбка непосвящённого	204
Дом Шекспира (Видение в январе)	205
"Лукавец, вынуждая нас гадать..."	206
Глава шестая. "Кто нам песню споёт?" (Песни)..	207
"Летучий голландец"	208
Мы слышали слух	209
Какой большой ветер!	211
Кораблик	213
Окраины, или Дома без крыши	215
Водосточные трубы	217
Песня про котёл	220
Пожарный	221
Пьеро	222
Ах, как долго едем!	224
Цыганка-молдаванка	225
Горизонт	227
Вереск	229
Караван	231
Фокусник	233
Водопад	234
Адриатика	236
Боги	238
Венгерская баллада	240

Половодье	242
Песнь о далёкой дали	243
Проповедник	244
Шарманщик	245
Девушка их харчевни	247
Аргентинская	249
Одержимый Джим	250
Дон Хосе	253
За цыганами (Песня на холмах)	254
Песенка про почтальона	256
Синее море	258
Корабли	259
Река	260
Поэты	261
Старинный бродяга	264
Песня Дэзи	266

Составление и подготовка текстов Александра Петракова

**В опубликованных произведениях
сохранены авторские орфография и пунктуация**

ВЫПУСКИ БИБЛИОТЕКИ ЖУРНАЛА "ВАГАНТ-МОСКВА", КОТОРЫЕ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Серия "АРТИСТЫ ПИШУТ..."

Леонид Филатов "Оранжевый кот". Стихи, песни, переводы, пародии, пьеса, сказка. 312 с. Обложка

Леонид Филатов Сказки. 160 с. Обложка

Геннадий Юхтин "Вокруг да около кино..." (Забавный киноскоп). 128 с. Обложка

Игорь Кашинцев "Жёлтый агат". Стихи, фрагменты кинобиографии. 64 с. Обложка

Наталья Варлей "Кружась над золотыми куполами..." Стихи и песни. 100 с. Обложка

Евгений Весник "Врать не буду". Книга первая. 256 с. Обложка

Евгений Весник "Куда ни глянь - смешно". Из записных книжиц автора. Книга вторая. 252 с. Обложка

Евгений Весник "Смешно - куда ни глянь". Из записных книжиц автора. Книга третья. 260 с. Обложка

Георгий Жжёнов "Саночки". Рассказы и повесть. 204 с. Обложка

Борис Галкин "Мужской талисман". Стихи, песни, рассказ. 196 с. Обложка

Евгений Стеблов "Не я". Повести, рассказы, творческие портреты. 192 с. Обложка

Олег Даль Письма. Дневники. Стихи. 132 с. Обложка

Серия "ДЛЯ СЦЕНЫ И ЭКРАНА..."

Юрий Ряшенцев "Слава Богу, у друзей есть шпаги...". Песни к фильмам. "Д'Артаньян и три мушкетёра", "Гардемарины..." и другим, к спектаклям и мюзиклам. 256 с. Обложка

Серия "ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ И ВСЁ О НЁМ"

Любовь Осипова "Маршрут № В" ("По Москве Высоцкого и его литературных героев"). Второе издание. 80 с. Обложка

Анатолий Кулагин Поэзия В.Высоцкого (Творческая эволюция). 200 с. Обложка

Светлой памяти Владимира Высоцкого. Посвящения. 268 с. Обложка

Серия "АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ"

Владимир Туриянский "Моим друзьям...". Стихи, песни с нотной записью. 224 с. Обложка

Александр Суханов "Музыкальный полёт". Песни с нотной записью. 256 с. Обложка

Ада Якушева "Если б ты знал...". Второе издание. 164 с. Обложка

Татьяна Визбор "Здравствуй, здравствуй, я вернулся!..". Второе издание. 100 с. Обложка

Юлий Ким Собрание пёстрых глав. Рассказы. Очерки. Стихи. Песни. Книга первая. 298 с. Обложка

Готовятся к печати:

Юлий Ким Собрание пёстрых глав. Книга вторая

Галина Коновалова Это было недавно...

Евгений Агранович "Я в весеннем лесу...". Стихи и проза

Стоимость книг от 5 до 20 рублей

Приобрести или заказать эти книги можно по адресу:

**103009, Москва, Тверская улица, 8
Книжный магазин "Москва"
Редакция журнала "Вагант-Москва"**

МАТВЕЕВА
Новелла Николаевна

ПЛАСТУШЕСКИЙ ДНЕВНИК

Составление и подготовка текстов А.Петраков
Художник А.Подивиллов

Фото из архивов автора
и журнала "Вагант-Москва"

Главный редактор С.Зайцев
Ответственный секретарь А.Иванов
Заведующая редакцией Т.Зайцева
Корректор В.Северьянова

Учредитель издания - Книжный магазин "Москва"
103009, Москва, Тверская улица, 8

Регистрационный № 015417
в Госкомпечати РФ

Подписано в печать 05.05.98

Новелла
МАТВЕЕВА

Иван
КИУРУ

Желаю здоровья и
счастья читателям
„Ваганта“!

Н. Матвеева.

1 мая
1998 года.

БИБЛИОТЕКА
Вагант
МОСКВА